

Андрей Маркович Левин
ТАИНА "ЗАПРЕТНОГО ГОРОДА"*

Повесть

Поединок: Сборник. Вып. 8 / Сост.: Э. Хруцкий. - М.: Моск. рабочий, 1982. - 492 с.

Начальник отдела безопасности управления "Феникс" майор Туан в последнее время засиживался на службе допоздна. И сегодня после ужина он снова вернулся в свой кабинет, чтобы подготовить для шефа очередной рапорт, который не успел составить днем.

* "З а п р е т н ы й г о р о д", или "Ц и т а д е л ь" - бывшая резиденция вьетнамских королей в городе Хюэ, куда вход иностранцам и простому люду был строжайше запрещен. - Прим. авт.

Просидев почти два часа над чистым листом бумаги, майор смог выжать из себя только одну, да и то незаконченную фразу: "Довожу до Вашего сведения, что..." Доводить до сведения начальства было нечего, и Туан интуитивно чувствовал, что его ждут крупные неприятности. Месяца четыре назад появились данные, что в управлении действует хорошо замаскировавшийся вьетконговец*. Мероприятия по выявлению и уничтожению сайгонского подполья стали срывать все чаще и чаще. Лица, подлежащие аресту или ликвидации, ускользали из-под самого носа полиции и агентов "Феникса". Американцы настойчиво утверждали, что информация просачивается именно из центрального аппарата.

* В ь е т к о н г - вьетнамские коммунисты (вьетн.). Так американцы и марионеточные власти называли патриотов Южного Вьетнама.

Туан полагал, что через месяц-полтора сможет доложить начальству об аресте вьетконговского агента. Но шло время, а он продолжал топтаться на месте. Он начал нервничать. К тому же за последние месяцы он потерял двух осведомителей, внедренных в подполье, и охватившее майора раздражение росло с каждым днем.

Исчезновение двух опытных провокаторов насторожило Туана, и он стал выяснять причины их провала. Внимание майора привлекла одна деталь: обоих объединяло то, что Туан встречался с ними в доме некой Фам Тху - хиромантки и владелицы небольшого ресторанчика.

Майор завербовал Фам Тху года два назад. Ему нужны были явочные квартиры, а особняк гадалки вполне подходил для встреч с нужными людьми. Тщательно покопавшись в биографии Фам Тху, майор предложил ей сотрудничество. Та попыталась было отказаться, но Туан умел брать людей за горло.

Потеряв двух агентов, один из которых, кстати, и вывел майора на владелицу ресторана, Туан решил ещё раз проверить всех обитателей особняка, включая хозяйку. Уже третью неделю его люди не вылезали из полицейских архивов. Бармен ресторана, которого Туан в свое время пристроил через третьих лиц в особняк, получил указание ежедневно докладывать о каждом шаге Фам Тху и её прислуги, брать на заметку любой их кажущийся подозрительным контакт с посетителями.

...Походив по кабинету, майор снова сел за стол. Лист бумаги со словами "Довожу до Вашего сведения, что...", лежавший перед ним, с ехидной выразительностью напоминал майору о его безрезультатных усилиях за последние месяцы. Он со злостью скомкал лист и швырнул его в корзину. Зазвонил телефон.

- Слушаю! - рявкнул в трубку Туан.

- Господин майор, - раздался на другом конце провода приглушенный женский голос, - говорит Фам Тху. Скорее приезжайте... Он что-то делает... в том кабинете...

- Кто? - отрывисто спросил Туан, моментально сообразив, о чем идет речь.

- Мой дворник. А ему вход на второй этаж запрещен.

Туан сжал телефонную трубку так, что побелели кончики пальцев. Вот почему исчезли его агенты. Дворник Фам Тху - вьетконговец! "Что-то делает в т о м кабинете". Ясно что: проверяет аппаратуру для подслушивания.

- Не спугните его, - процедил в трубку майор. - Я сейчас буду.

Коричневая "мазда" Туана и серый "джип" с оперативной группой затормозили у аккуратного двухэтажного особняка на улице Небесных Добродетелей, обнесенного невысоким забором из частой металлической сетки. У калитки висела прямоугольная табличка с надписью:

Мадам Фам Тху,
дипломированная хиромантка

Тут же стоял небольшой щит из фанеры, разукрашенный всеми цветами радуги. На щите пляшущими черными буквами было выведено:

"ЗАЙДИ И ПОПЫТАЙСЯ УЗНАТЬ,
ЧТО ЖДЕТ ТЕБЯ В ЭТО НЕУСТОЙЧИВОЕ ВРЕМЯ"

Люди Туана быстро выскакивали из "джипа". Несколько человек, вооруженных портативными автоматами, ринулись во двор. Остальные вместе с майором вошли в ресторан.

- Всем оставаться на местах! Полиция! Проверка документов!

Туан подошел к стойке бара.

- Где хозяйка? - спросил он у бармена.

- Наверху, - ответил тот. - Госпожа Фам Тху никогда не спускается в ресторан по вечерам.

- А дворник?

- Крутился где-то здесь. Наверное, во дворе или у себя в каморке.

Поднявшись по деревянной лестнице в темный холл второго этажа, майор нащупал выключатель. Зажегся свет, и он увидел распростертое на полу тело хозяйки особняка. Она лежала на боку и смотрела на майора широко открытыми глазами, в которых застыло удивление.

- Что случилось? - спросил Туан, но тут же сообразил, что гадалка мертва.

"Дворника искать бесполезно", - первое, что пришло в голову.

Он нагнулся над телом Фам Тху. На шее гадалки виднелось несколько ссадин от ногтей. Видимо, дворник услышал её телефонный разговор с Туаном и, перед тем как улизнуть, придушил свою бывшую хозяйку.

Смерть ещё не успела наложить зловещий отпечаток на красивое лицо Фам Тху. Оно начало бледнеть, но сохраняло мягкость черт.

У ножки кресла валялась серебряная зажигалка в виде фигурки сидящего на раскрытом цветке лотоса Будды. Туан поднял зажигалку, повертел в руках и, прочитав выгравированные на ней инициалы, сунул в карман.

Прежде чем спуститься вниз, он зашел в кабинет, где обычно встречался со своими агентами, включил свет. Из-за картины, висевшей на стене, торчал обрывок провода. "Я угадал, - подумал майор, - дворник проверял потайной микрофон и, убегая, оторвал его". Он подошел к распахнутому настежь окну, выглянул во двор. Внизу двое с фонариками шарили в траве.

- Что там? - спросил Туан.

Те подняли головы.

- Здесь примята трава, господин майор. Кто-то выпрыгнул из окна.

- Господин майор, дворника нигде нет, - раздался голос из темноты.

Туан ничего не ответил. Он спустился вниз и снова подошел к бармену.

- Это зажигалка Фам Тху? - спросил он, держа на ладони серебряную фигурку Будды.

- Нет, я никогда не видел у неё такой вещицы, - покачал головой тот.

"Наверное, дворник стащил у какого-нибудь американца, - решил майор, - а сегодня выронил здесь впопыхах".

Стоя у бара, Туан стал наблюдать, как его люди проверяли документы у посетителей.

Хоанг подошел к большому зеркалу в стене, поправил галстук. Из зеркала на него смотрел худощавый мужчина с веером морщинок у глаз. "Ты здорово постарел, - мысленно сказал Хоанг своему отражению. Тебе нет ещё и сорока пяти, а выглядишь ты на все шестьдесят".

Он причесался и вошел в ресторан. К нему тут же подскочил официант, приглашая за свободный столик.

- Рис по-кантонски, лангусту на гриле и крабовый суп. А я пока выпью что-

нибудь, - сказал ему Хоанг и направился в сторону бара.

Он сел на высокий табурет перед стойкой и заказал рюмку "куантро". Наливая ликер, бармен тихо произнес:

- Сегодня "дядюшка" сам придет на встречу. Он будет ждать тебя в половине восьмого у гробницы Ты Дыка.

Хоанг допил "куантро" и пересел за столик. Через минуту перед ним появились заказанные блюда. Но ни дымящийся рис, ни имбирный аромат рыбного соуса, ни золотистая корочка великолепно зажаренной лангусты не привлекали. Есть не хотелось. На душе было тоскливо. Сегодня ему исполнилось сорок три, и он снова - уже в который раз! - отмечает, а точнее, не отмечает, день рождения в одиночестве.

Когда в последний раз его поздравляли друзья? Кажется, лет десять назад или даже больше. Ну конечно, больше. Тринадцать лет! Он тогда партизанил со своим отрядом на Центральном плато. Хоанг попытался припомнить подробности того дня, но память лишь смутно сохранила улыбающиеся лица бойцов, вручавших орден своему командиру. Комиссар перехватил орден у связного, появившегося в отряде несколькими днями раньше, и все держал в тайне. Хоанг совсем забыл, что ему исполняется тридцать, а комиссар помнил...

Где-то он сейчас - неугомонный, неистощимый на всякие выдумки Лием? Его так не хватало Хоангу все эти годы! Ведь они были не только боевыми товарищами, но и близкими друзьями. Оба родом отсюда, из Хюэ. Вместе росли, вместе учились в школе... Где он теперь? Наверное, сражается где-нибудь, в джунглях?..

С каким удовольствием Хоанг взял бы в руки автомат и повел свой отряд в атаку. Он всегда считал, что именно там - настоящее дело. А здесь... За десять лет Хоанг так и не привык к своей роли бизнесмена. Умом он понимал, что делает важную и нужную работу. Да и центр высоко оценивал каждую его информацию. Умом он понимал. А в душе... В душе оставался партизаном.

Он посидел ещё немного в ресторане, потом расплатился и вышел на улицу.

Оставив машину у каменной ограды, Хоанг вошел через небольшую дверцу на территорию гробницы Ты Дыка, а точнее, его бывшей загородной резиденции. Как и загородные резиденции других вьетнамских королей, она стала последним пристанищем четвертого по счету монарха из некогда могущественной династии Нгуенов*.

* Династия Нгуенов правила во Вьетнаме с начала прошлого века.

Старик сторож не обратил на Хоанга ни малейшего внимания: сюда часто приходили люди, чтобы побродить в тиши усыпальницы августейшей особы. Хоанг прошел мимо заросшего фиолетовыми цветами ряски и розовыми лотосами пруда с деревянным павильоном на берегу и, поднявшись по каменным ступеням к бывшим королевским покоям, свернул направо, к могиле Ты Дыка.

Около неё стоял человек, лица которого Хоанг в темноте не различал. Он хотел было произнести условленную фразу пароля, но вдруг услышал знакомый, хрипловатый голос:

- С днем рождения, командир.

Хоанг на мгновение опешил. Перед глазами моментально возникла бамбуковая хижина в джунглях и лицо комиссара, вручавшего ему орден.

- Лием?!

- Угу. Я.

Хоанг бросился вперед, схватил друга за плечи.

- А пароль? - беззвучно смеясь, спросил тот.

- Иди ты к черту! Твое лицо надежнее всех паролей, - Хоанг все ещё не верил, что видит живого Лиема. - Ты... ты помнишь, что у меня день рождения?

- Ну а как же? И даже орден тебе привез. Вернее, не сам орден, а приказ о награждении. Да и то устно. Вручение отложено до лучших времен.

Хоанг почувствовал, как все его существо начало ликовать. Он напрочь забыл все свои сегодняшние тревоги. Встретив старого товарища, он словно осязаемо прикоснулся к прошлому, и перед ним быстрой вереницей побежали картины давно минувших лет - бои, марши, привалы, лица боевых друзей. Ни один из эпизодов его партизанской жизни не вырисовывался отчетливо. Видения громоздились одно на другое, переклестывались, повторялись. За несколько секунд Хоанг просмотрел странный фильм, склеенный из обрывков воспоминаний.

- Спасибо, - выдохнул он.
- За что? - не понял Лием.
- Ну, за орден... за высокую оценку... за то, что ты пришел именно сегодня.

Такой подарок для меня...

- Э-э, ты стал совсем гражданским человеком, - лукаво прищурился Лием. - Забыл, как благодарят за награду в строю?

И, видя, что Хоанг смутился, добавил:

- Шучу, шучу. Потом будешь слова говорить. При вручении. Как ты догадываешься, я пришел не только для того, чтобы поздравить тебя с днем рождения.

- Догадываюсь. Один вопрос, и перейдем к делу.

- Я слушаю.

- Скажи, ты случайно... ничего не слышал о Лан? Ведь я не видел её больше двадцати лет. А сына вообще никогда не видел. Пытался что-нибудь узнать о них, но безуспешно.

- Я понимаю, - ответил Лием. - Понимаю, как тебе трудно. И не только тебе.

Сколько семей разлучила эта война! Страшно подумать. Не десятки, даже не сотни - тысячи! Ведь воюем уже тридцать лет!

Хоангу показалось, что Лием не хочет отвечать на его вопрос.

- Ты что-то знаешь? Скажи. Я... я готов ко всему.

Лием вдруг рассмеялся:

- Хотел сказать потом, в конце разговора. Да ладно уж, не буду тебя мучить. Жива твоя Лан, жива. Больше того, ты скоро её увидишь.

- Лием! - Хоанг схватил друга за плечи. - Лием, дружище! Ты... ты это серьезно? Я... слушай... подожди... - Он вдруг резко вскинул голову и прищурился, глядя Лиему прямо в глаза. - Но почему же ты молчал столько времени? Почему не попытался увидеть меня раньше, сказать. Ты ведь знал! Ты ведь...

- Хоанг, меня перебросили в центр только три месяца назад, - мягко ответил Лием. - А до этого я ведь ничего не знал ни о тебе, ни о ней.

- Да, да, конечно, - Хоангу стало неловко за свою резкость. - Ты... прости.

Скажи, а сын? Ты что-нибудь знаешь?

Лием отрицательно покачал головой:

- Я и о Лан узнал случайно. Она ведь работает в Сайгоне, а в моем ведении - подпольные организации Хюэ. У них в Сайгоне погиб связник. Ну, я и попросил кое-кого, чтобы тебя на пару месяцев перебросили туда, пока не подберут подходящего человека. Сказал, что вы не виделись с пятьдесят четвертого года. Оказывается, никто и не знал, что вы женаты.

- Так ведь наш брак не был зарегистрирован, - сказал Хоанг и добавил растроганно: - Спасибо, дружище.

- Вот так-то лучше, - шутливо проворчал Лием. - Ну, ладно, теперь о деле.

В Сайгон ты, конечно, сможешь выбраться?

- О чем ты говоришь! - радостно воскликнул Хоанг.

- Так вот, в центральном аппарате "Феникса" уже несколько лет работает наш человек по кличке Смелый. Он передает свою информацию Лан. Лан была связана с товарищем, которого убили, а он - с оперативной группой и с центром. В зависимости от характера информации она шла либо в центр, либо прямо в подпольные ячейки. Лан для окружающих - гадалка и владелица небольшого ресторанчика по имени Фам Тху. Когда появишься у нее, будь предельно осторожен. И вот почему. Дело в том, что начальник отдела безопасности майор Туан считает, что Лан работает на него.

- Вот как?!

- Да. Там у него явочная квартира для встреч со своими агентами. Смелый появляется у Лан, не боясь навлечь на себя подозрения, потому что это санкционировано Туаном. Два года все шло нормально. Однако получилось так, что у Туана убили двух осведомителей, причем именно тех, с которыми он встречался в особняке Лан. Чистая случайность, но она насторожила Туана, и он занялся основательной проверкой обитателей особняка. Смелый успел предупредить об этом Лан. Ей некогда было ставить в известность центр, и она решила подстраховаться сама. В её особняке работал дворником наш товарищ. Она позвонила Туану и сказала, что якобы разоблачила в своем дворнике вьетконговца. Туан клюнул и помчался к ней. Дворника в особняке, естественно, уже не оказалось. Кажется, Туан поверил и глубже копать не будет. Но все же имей это в виду. И постарайся вместе с Лан и товарищами из оперативной группы выяснить обстоятельства гибели

связника.. Нам нужно в ближайшее время точно знать: выследили только его или охранке известно что-нибудь еще. Пусть Смелый даст по этому поводу самую подробную информацию.

- Ну что ж, мне все ясно, - сказал Хоанг. - Давай адреса, пароли.

- Садитесь, Уоррел. - Грузный мужчина в больших роговых очках небрежно махнул рукой и вновь положил её на подлокотник кожаного кресла.

Полковник Эдвард Уоррел, вытянувшийся по стойке "смирно" и приготовившийся было доложить о своем приходе по всей форме, расслабился.

- Благодарю вас, сэр, - отчеканил он и опустил в кресло по другую сторону большого квадратного стола.

- Курите, - хозяин кабинета щелкнул пухлыми пальцами по пачке "Кента". Пачка скользнула по гладкой поверхности стола, и Уоррел подхватил её на лету.

- Благодарю вас, сэр, - повторил он тоном робота и достал из кармана зажигалку.

"Жирная, сытая свинья! - раздраженно подумал он, наблюдая, как толстые губы шефа медленно перекачивают из угла в угол рта сигарету. - Ты-то будешь каждое утро садиться в свое кресло выпавшийся и чистенький. А меня опять пошлешь куда-нибудь к черту на рога?"

- Есть работа, Уоррел, - без обиняков начал генерал. - Я понимаю, вы имеете право на отпуск, но... Америка нуждается в вас.

"Черт бы тебя побрал! - выругался в душе Уоррел. - Америка всегда нуждается во мне в самое не подходящее для этого время".

- Вам предстоит командировка в Южный Вьетнам. Ее продолжительность будет зависеть от вас. Вы человек опытный, хорошо знаете страну...

Южный Вьетнам Уоррел знал действительно хорошо. Впервые он попал туда в 1954 году, сразу же после подписания Женевских соглашений. В то время американские специальные службы активно устанавливали контроль над деятельностью администрации Нго Динь Дьема, ставшего президентом с помощью США. Этой работой руководил крупный специалист по противоповстанческой борьбе полковник Лэнсдейл.

Двадцатипятилетний лейтенант Эдвард Уоррел почитал за счастье работать под началом такой известной и незаурядной личности. Он боготворил своего шефа, всегда подтянутого, безукоризненно одетого, подчеркнуто вежливого. А больше всего Уоррел восхищался взглядами Лэнсдейла, его умением схватить самую суть сложных и запутанных проблем, которых в Южном Вьетнаме было так много. Уоррел хорошо запомнил один из уроков психологии, который дал ему однажды шеф и которым он стал руководствоваться во всей последующей работе. Многие подробности того разговора давно забылись, но отдельные высказывания Лэнсдейла цепкая память Уоррела хранила до сих пор.

"Времена примитивной колонизации прошли, - сказал тогда и потом ещё неоднократно повторял Лэнсдейл. - Если даже на каждом клочке Южного Вьетнама будет находиться американский солдат, мы не добьемся своих целей здесь. Но мы добьемся своих целей, если сможем завоевать сердца и умы этих людей, сможем войти в "запретный город" вьетнамского характера. А попав в его лабиринты, нужно освещать себе путь знанием местного языка, нравов и обычаев страны, литературы и истории её народа. Только так можно стать хозяином "запретного города".

Уоррел пришел в восторг от столь выразительного сравнения вьетнамской души с "запретным городом". Он последовал совету шефа, любившего повторять вьетнамскую поговорку: "Хочешь попасть в Цитадель - прикинься юродивым", и стал штудировать вьетнамский язык, читать все книги о Вьетнаме, которые попадались под руку.

Прошло около двух лет, прежде чем Уоррел научился разбираться во всех тонкостях восточного уклада жизни. Постепенно он привык к различиям во вкусах, обычаях и представлениях между жителями Азии и людьми своей расы. Он перестал удивляться тому, что цвет траура здесь - белый, что обед не начинается с супа, а заканчивается им, что торцы, а не середина стола, считаются почетным местом, что азиаты улыбаются даже тогда, когда находятся в состоянии сильнейшей ярости. Одновременно Уоррел стал замечать, что умение держать себя в соответствии с местными обычаями облегчает ему контакты с нужными людьми, открывает перед ним двери домов, в которые порой нелегко попасть чужестранцу.

В то время как его коллеги интенсивно изучали интерьеры значных мест Сайгона, Уоррел заводил знакомства среди врачей, литераторов, научных работников, пополняя свои знания о Вьетнаме и вьетнамцах. Он активно осваивал

"запретный город" вьетнамской души и с удовлетворением отмечал, что это ему удастся.

Углубленное и серьезное исследование местной действительности не помешало, впрочем, двадцатипятилетнему лейтенанту оставить хорошенькой танцовщице из "Паласа" Франсуазе Бинь память о себе в лице прелестного создания - девчушки с черными, чуть раскосыми глазами и пушистыми светлыми локонами.

Именно о дочери полковник почему-то и подумал в первый момент, когда Митчелл заговорил о Сайгоне. Он видел её последний раз уже школьницей, когда приезжал на несколько месяцев в Южный Вьетнам восемь лет спустя после своей первой командировки. Но сейчас Лан исполнилось восемнадцать. И Уоррел не без удивления отметил, что чувство тоски, охватившее его в преддверии скорой разлуки с женой и маленькой дочкой Джуди, несколько отступило перед желанием увидеть взрослую уже дочь и вспомнить молодость, встретившись со своей бывшей любовницей - Франсуазой Бинь. К тому же Уоррел сможет увидеть своего любимца Виена, которого опекал в Штатах во время его учебы...

- Ваше задание, полковник, связано с программой "Феникс", - ворвался в воспоминания Уоррела голос Митчелла. - Если мне не изменяет память, вы участвовали в её разработке?

- Так точно, сэр, - отозвался Уоррел.

Программе "Феникс" Уоррел посвятил целых три года. Эта программа, а точнее, многолетняя операция была задумана как составная часть более обширной программы по "умиротворению" южновьетнамского населения. Последняя заключалась в том, чтобы лишить Вьетконг опоры среди жителей на территории, находящейся под контролем властей. Она подразумевала создание "стратегических деревень" - поселений, обнесенных колючей проволокой и сторожевыми вышками. Каждый житель таких деревень находился под неусыпным контролем многочисленных осведомителей. А цель операции "Феникс" состояла в том, чтобы ликвидировать политическую и административную инфраструктуру коммунистов, или, другими словами, выявлять и физически уничтожать подпольщиков и кадровых работников Вьетконга.

Осуществлением программы "Феникс" занимались силы безопасности, при которых создавались специальные отделы. Ведало этими отделами управление "Феникс" при министерстве внутренних дел.

В первые годы программа выполнялась довольно успешно. Сказывалось присутствие опытных и грамотных американских специалистов по ведению противоповстанческой борьбы, прошедших школу Лэнсдейла. Под их непосредственным руководством была создана широкая сеть тайных агентов и осведомителей. Многих из них удалось весьма прочно внедрить в подполье. Но в последнее время эффективность программы значительно снизилась, и соответствующие отделы ЦРУ начали искать причины этого явления.

- Так что вам снова придется посетить знакомые края и освежить в памяти то, чем вы в свое время занимались, - продолжил Митчелл. - Введу вас немного в курс дела. В последнее время наша симпатичная птичка "Феникс" стала вяло летать. Причем настолько вяло, что руководство выразило серьезное беспокойство по поводу её здоровья. Три месяца назад мы направили в Сайгон подполковника Уайта - выяснить, что мешает выполнению программы. Оказалось, что главная помеха - утечка информации. В управлении действует хорошо замаскировавшийся коммунистический агент, которого мы условно назвали Рексом.

- Есть конкретные данные? - поинтересовался Уоррел.

- Да. Сведения получены подполковником Уайтом от нашего осведомителя в подполье. Ваша задача - выявить и ликвидировать Рекса.

- Но если подполковник Уайт начал это дело... - позволил себе возразить Уоррел. - Я знаю Уайта давно. Он опытный офицер. Я, разумеется, готов, но, сэр... Мое вмешательство он воспримет как недоверие к нему...

- Не трудитесь давать характеристику Уайту, полковник, - перебил Уоррела Митчелл. - Я знал и ценил его не меньше вашего.

- Знали?!!

- Уайт погиб пять дней назад. Его застрелили. Обстоятельства гибели выяснить пока не удалось. В тот вечер Уайт должен был встретиться с Джейком - нашим человеком в подполье. Джейк срочно вызвал Уайта на внеочередную встречу - видимо, ему удалось что-то узнать. Уайт даже не успел предупредить своего помощника Стоута. Обычно тот страховал подполковника. Ну, а к полуночи военная жандармерия обнаружила труп Уайта в каком-то дворе.

- Стоут не виделся после этого с Джейком?

- Виделся. По словам Джейка, подполковник на встречу не явился. А вызывал он Уайта для того, чтобы сообщить ему место встреч Рекса с вьетконговским связником. Рекс передавал кому-то информацию в небольшом ресторанчике некой Фам Тху. А её убили в тот же вечер, когда погиб Уайт. Это уже узнал Стоут. Ее задушили. Кто - неизвестно. Во всяком случае, уголовная полиция не смогла выяснить. Но убийство не было случайным. Потому что до уголовной полиции на месте происшествия побывал майор Туан со своими людьми.

- А кто такой майор Туан?

- Начальник отдела безопасности "Феникса".

- Значит, он тоже нащупал какую-то ниточку?

- Вероятно. Иначе с какой стати он стал бы интересоваться убийством владелицы ресторана? Ресторан иродолжает функционировать - его кто-то купил. Но вряд ли Рекс появится там ещё раз. Скорее всего, он перешел на запасную явку. Это лишь мои предположения. Вам предстоит выяснить, насколько они верны.

- Н-да, здесь придется повозиться, - задумчиво проговорил Уоррел. - А Уайт каким-либо образом координировал свои действия с этим самым Туаном?

Митчелл отрицательно покачал головой:

- Они регулярно встречались. Туан с улыбкой - вы же знаете, как умеют улыбаться азиаты, - говорил Уайту о необходимости действовать вместе, а сам фактически полностью саботировал всяческое сотрудничество с нами.

- Почему?

- По-видимому, никак не может простить нам своего провала в шестьдесят девятом году. Тогда он был полковником безопасности и прошляпил вьетконговцев в окружении президента. А мы их накрыли. Его разжаловали до майора, понизили в должности...

- Когда я должен вылететь в Сайгон?

- Неплохо было бы сделать это ещё вчера. Но я, к сожалению, был занят и не смог вас принять.

- Я понял, сэр. Завтра я буду в Сайгоне.

Хоанг не торопясь шел по Старому рынку и время от времени останавливался у какой-нибудь лавки. Он брал в руки первую попавшуюся и ненужную ему вещь, рассматривал её, торговался, украдкой проверяя, нет ли сзади "хвоста". Иногда он задерживался у лотков со старинными монетами.

- Есть монеты времен Минь Манга? - спросил он у одного из торговцев.

Тот отрицательно покачал головой. У торговца, сидевшего рядом, такой монеты тоже не оказалось. Хоанг хотел было пройти дальше, но вдруг наконец раздалась первая фраза пароля.

- Господин ищет монеты времен Минь Манга? - спросил мужской голос слева.

Хоанг повернулся и невольно вздрогнул: было что-то знакомое в лице говорившего. "Наверное, показалось", - подумал он. Он не заметил, что и торговец, который произнес условную фразу, как-то странно посмотрел на него - расстерянно и испуганно.

Хоанг сел перед торговцем на корточки, взял монету, повертел в руках:

- Да, это, пожалуй, то, что мне нужно. Сколько ты хочешь за нее?

- Десять тысяч пиастров, господин.

- Дороговато. Шесть тысяч.

- Шесть тысяч за такую редкость? - на лице торговца было написано неподдельное изумление. - Господин смеется надо мной.

"Где же я мог его видеть?" - пытался вспомнить Хоанг.

- Семь с половиной, - предложил он.

Теперь торговец должен был назвать окончательную цену, которая вместе с ценой Хоанга дала бы предусмотренную паролем сумму: шестнадцать.

- Нет. Восемь с половиной, и монета ваша.

- Ну, хорошо, - согласился Хоанг, отсчитывая деньги.

- Большое спасибо, господин, - благодарно закивал торговец, вручая ему монету. - Большое спасибо. Приходите еще. У меня бывают очень редкие монеты.

И в этот момент Хоанг понял, кто сидит перед ним. "Нет, невозможно! - возразил он самому себе. - Они просто похожи. Ведь Лан писала, что Шона застрелили полицейские на её глазах".

Он медленно побрел дальше: после того как они обменялись условными фразами, связник должен был ждать Хоанга через два часа у рынка Бентхань. Хоанг шел, а в голове радостно билась мысль: "Это Шон! Шон! Брат!"

Хоанг вышел к памятнику перед рынком без двух минут час. Спустя минуту появился связник, и теперь Хоанг уже окончательно понял, что не ошибся.

Шон повел его переулками в сторону от центра. Шли они минут двадцать. Хоанга охватила бурная радость. Он двигался метрах в пятнадцати сзади Шона и с трудом сдерживался, чтобы не подбежать к брату, не схватить его за плечи, не стиснуть в объятиях. Невероятно! Он заново обрел жену, брата!..

Шон подошел к обшарпанному дому, отпер железные двери-жалюзи и исчез внутри. Хоанг на мгновение задержался у входа, оглянулся и шагнул следом.

Шон запер двери. Он молча нагнулся, пошарив в углу, потом резко выпрямился и повернулся к Хоангу. В его руке поблескивал пистолет.

Хоанг, готовый уже броситься в объятия брата, сделал по инерции шаг вперед и остановился в растерянности:

- Шон! Я не верю своим глазам! Неужели это ты?

Глаза брата смотрели на Хоанга холодно и отчужденно,

- Ни с места, - произнес он. - Руки.

- Опомнись, Шон! - Хоанг чуть приподнял ладони. - Я - Хоанг, твой брат.

Неужели ты не узнал меня? Боже мой, Шон, ты жив! А Лан писала, что тебя убили полицейские.

Шон опустил пистолет. Теперь и на его лице появилась растерянность.

- Хоанг, - прошептал он. - Не может быть!

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга, потом одновременно рванулись вперед, обнялись.

- Брат! - Шон откинул голову, чтобы лучше рассмотреть Хоанга. - Ты прости, прости меня. Я тебя не узнал. Ты так изменился. Твое лицо ещё на рынке напомнило мне одного... из охраны. Нервы. Но теперь это уже не важно. Понимаешь, я подумал...

- Все понимаю, все, - тихо и радостно смеялся Хоанг. - Ты стал осторожен и недоверчив. Это в порядке вещей.

Лицо Шона стало серьезным:

- Когда теряешь лучших друзей, поневоле становишься таким.

- Да и я тебя не сразу узнал, - признался Хоанг. - Мелькнула мысль... Но я решил, что ошибся, что просто встретил похожего на тебя человека.

Шон положил пистолет на низкий, покрытый бамбуковой циновкой топчан, взял Хоанга за руки и, сев на топчан сам, усадил его рядом.

- Ты не представляешь, как я рад нашей встрече. Подожди, сколько же лет мы не виделись?

- Пожалуй, больше двадцати.

- Двадцать лет! - воскликнул Шон. - Подумать только - двадцать лет! Ну, рассказывай, рассказывай, как ты жил все эти годы?

- Как жил? Партизанил в джунглях. Потом - подпольная работа. Ничего особенного. Ты-то как? Ведь я считал тебя погибшим. Помнишь нашу последнюю встречу в августе пятьдесят третьего?

- Еще бы! Ты сказал тогда, что Лан ждет ребенка.

- Так вот, через несколько дней меня взяли на улице. Я думал - случайно.

Но потом понял: кто-то выдал. Сначала водили на допросы. Потом - трибунал, приговор: смертная казнь через повешение. Но мне устроили побег, и я перебрался в освобожденные районы. Первое время получал весточки от Лан, от тебя...

- Ну как же, - оживился Шон, - прекрасно помню. Лан передавала свои письма через меня. А я ещё подшучивал над ней и говорил, что по правилам конспирации не положено вести любовную переписку. Ух, и злилась же она на меня!

- А потом пришло последнее письмо от Лан, - продолжал Хоанг. - Совсем короткое - всего несколько слов. Она писала, что у нас родился сын и что ты погиб в перестрелке с полицией на её глазах. Если бы ты знал, как я переживал! Даже рождение Виена не обрадовало меня. Ведь я тебя любил больше, чем остальных братьев. Помнишь?

- Конечно помню, - задумчиво отозвался Шон. - Ты всегда заступался за меня перед отцом. Хотя попадало мне всегда за дело.

- Это верно, - согласился Хоанг. - Ты доставлял ему немало огорчений своими выходками.

- Да, я заставил тогда всех вас поволноваться. Помнишь, я заявил, что буду артистом, и убежал из дому с бродячей труппой? А как собирался стать богачом и завел дружбу с сыном хромого Тюнга - помнишь? Он держал ткацкую фабрику.

- Помню, - кивнул Хоанг. - Помню, как он чуть не затащил тебя в бойскауты

националистов, да ты вовремя опомнился. Мы все ужасно переживали за тебя. Особенно отец. Он так боялся, что ты окажешься в другом лагере. А я его успокаивал и говорил, что это у тебя - возрастные заскоки и что ты обязательно станешь настоящим человеком. Так оно и получилось. Прошло время, ты уgomонился и избрал единственно верный путь.

- И все благодаря тебе. Сколько сил ты потратил, чтобы образумить меня!

- Как давно это было! К счастью, Лан ошиблась, и я снова вижу тебя. Я до сих пор не могу поверить...

- Лан не ошиблась, Хоанг, - снова стал серьезным Шон. - Считай, что я выбрался с того света.

- Значит, действительно все было так, как она написала?

- Да. Все было именно так.

Шон поднялся, подошел к столу и бросил в небольшой чайник щепотку зеленого чая. Залив чай кипятком из термоса, он вернулся на место.

- Лан не ошиблась, - повторил он. - В тот день она должна была передать мне очередную информацию для центра. Я ждал её в условленном месте и вдруг заметил, что за мной следят. Лан была уже в нескольких шагах от меня. Я побежал, чтобы они не успели заметить, кто должен ко мне подойти. Они бросились за мной. Я думал, что смогу оторваться, но наперерез бежали ещё трое. Я выхватил пистолет, начал стрелять. Потом что-то обожгло спину, все начало вертеться перед глазами. Очнулся в доме у каких-то людей на окраине Сайгона. Они сказали, что неделю назад меня вынес из морга сторож. Случайно заметил, что я жив. Всю неделю я пролежал у них без сознания, а потом провалялся ещё месяц. Они нашли доктора, который вытащил из меня три пули. А четвертая до сих пор сидит где-то под лопаткой - так ноет порой, сил нет. Когда я уже окончательно поправился, пробрался в Сайгон, нашел одного из наших - Кама. Не знаю, помнишь ли ты его. Кам сказал, что в городе были аресты и что почти вся наша группа разгромлена. Только через полгода удалось установить связь с подпольем. Потом - снова провал, семь лет тюрьмы, побег. И опять подпольная работа - в Вунгтау, Кантхо и, наконец, здесь, в Сайгоне.

- Кам... Имя знакомое, а лицо вспомнить не могу.

- Да я тоже уже забыл всех в лицо. Видишь, даже тебя не узнал, - грустно улыбнулся Шон. - Как мало нас осталось. И как много товарищей мы потеряли.

- Да, - задумчиво согласился Хоанг. - Потеряли мы многих.

Шон поднялся и подошел к столу. Поставив чайник и две маленькие керамические чашечки на деревянный поднос, он пошел назад, к топчану.

- И самая большая потеря для меня, - сказал он, - это гибель Лан. Столько лет прошло, а я никак не могу привыкнуть к мысли, что её нет в живых.

- Лан?! - брови Хоанга удивленно поползли вверх. - Да что ты, Шон! Она жива. Жива!

Шон словно споткнулся о невидимую стену и остолбенело уставился на Хоанга, держа поднос в руках:

- Как - жива? Мне... мне сказали, что ее... в пятьдесят третьем... Ты это серьезно?

- Ну конечно же! - весело воскликнул Хоанг.

- И вы... все эти годы были вместе?

- К сожалению, нет, - вздохнул Хоанг. - С тех пор я не видел ни её, ни сына.

- Тогда... откуда тебе известно, что?..

- Лиём сказал, - снова повеселел Хоанг. - Помнишь Лиёма?.. Он учился со мной в одном классе.

- Хм. - Шон собрал морщины на лбу. - Нет, не помню.

- Ну, неважно. Потом мы вместе партизанили, а сейчас... - Хоанг вдруг рассмеялся. - Да что ты стоишь как столб с этим подносом. Сядь, я тебе все расскажу.

Шон послушно опустил на топчан, продолжая держать поднос. Хоанг взял его из рук брата и поставил около себя.

- Ну так вот. Лиём сейчас работает в центре. Мы с ним встречались перед моим приездом сюда. Он-то и сказал мне, что Лан жива и что я увижу её в Сайгоне.

- И ты видел её?

- Нет еще. Но завтра или послезавтра увижу. И сына, наверное, тоже. За несколько дней столько встреч! Лиём, ты, Лан, сын. Просто не верится!

Шон поднялся и направился к двери походкой человека, который потерял что-

то и теперь безуспешно пытается найти потерянную вещь. Потом он вернулся к столу.

- Ты чего? - удивился Хоанг.

- Сейчас, сейчас, - пробормотал Шон. - У меня где-то был рисовый самогон. Это нужно отметить. Такое событие... такое... Ничего не соображаю. Подожди, где же он? Ах, да, здесь.

Шон открыл створки старенького, обшарпанного буфета и вытащил оттуда запыленную бутылку, в которой торчала тряпка вместо пробки.

- А где же рюмки? - рассеянно спросил он сам себя. - Ох, у меня рюмок-то и нет. Ну, ничего. Выпьем из пиал. Черт возьми, где же они?

Шон отыскал наконец пиалы, стоявшие на столе перед его носом, налил в них самогон.

- Выпьем, Хоанг. За Лан и за тебя. За то, что счастье снова вернулось к вам. И пусть оно сделало долгий путь. Теперь все позади.

Они выпили самогон до дна. Хоанг закурил сигарету, а Шон достал из-за топчана бамбуковый кальян*, поджег табак и забулькал, с шумом втягивая в себя дым.

* Во Вьетнаме такие кальяны очень популярны. В толстую бамбуковую трубку, закупоренную с одного конца, наливается вода для охлаждения дыма. В патрончик, вставленный посередине трубки, насыпается табак. Этот табак, который называют лаосским табаком, настолько крепок, что одной-двух затяжек курильщику хватает на несколько часов.

- Увижусь с Лан, с Виеном, - мечтательно произнес Хоанг, - а потом мы встретимся все вместе. Я представляю себе лицо Лан, когда она увидит тебя. Вот будет потеха.

- А где ты её увидишь? - спросил Шон. - И чем она сейчас занимается?

- Чем занимается? - улыбаясь, переспросил Хоанг. - Чем может заниматься Лан? Конечно, тем же, чем и мы.

- Слушай! - Шон хлопнул себя рукой по лбу. - Я только сейчас вспомнил, что ты направлен к нам центром. Узнал тебя, и все сразу выскочило из головы. Разболтался, расчувствовался, стал вспоминать молодость, самогон достал. Видел бы командир группы - ох, и досталось бы мне.

- Мы же живые люди, - возразил Хоанг. - Не каждый день встречаешь родного брата, которого считаешь погибшим. Я и сам забыл о том, что ты - связной группы.

- Ну, ладно, - Шон отставил бутылку с самогоном в сторону. - Вспомнили прошлое, старых знакомых. Теперь давай о делах. Ты приехал, чтобы заменить Диня, насколько я понимаю?

- Да, временно.

- Ясно. Сегодня я предупрежу командира группы, и завтра ты встретишься со всеми. Собираемся мы обычно у Зунга. Он держит небольшую чайную - там удобное место для встреч.

- Что ж, у Зунга так у Зунга. Поведешь меня к нему ты?

- Да. Завтра в половине шестого жди меня там же, где и сегодня. А теперь подожди - я посмотрю, все ли спокойно на улице.

Хоанг заказал ещё одну рюмку "куантро", выкурил уже три сигареты, а Лан все не появлялась. Ему стоило больших трудов сдержать волнение, охватившее его ещё на улице, когда он только подходил к особняку. Хоанг много раз мысленно рисовал себе встречу с женой и сыном, но шли годы, и он постепенно привыкал к тому, что встреча эта никогда не состоится. Он и сейчас ещё не очень верил, что увидит свою Лан.

Хоанг снова подозвал официанта:

- Мне говорили, что хозяйка особняка гадает. Это правда? Я хотел бы узнать свою судьбу.

Официант вежливо выслушал Хоанга. Да, в этом доме когда-то гадали. Госпожа Фам Тху, прежняя владелица особняка. Она прекрасно гадала. К сожалению, господин немного опоздал. Сейчас особняк принадлежит господину Шау. Господин Шау недавно приобрел его. Кажется, у какого-то родственника госпожи Фам Тху. Чуть ли даже не у сына. Что? Нет, госпожа Фам Тху не уехала. Ее убили. Точнее, задушили. Совсем недавно, пятнадцатого января. Это было ужасно. Какие-то неизвестные люди.

Говорят, что вьетконговцы. Да больше и некому. Все так переживали. Клиенты очень уважали госпожу Фам Тху. На похоронах было столько народу. Ее похоронили в Дакао - там есть буддийское кладбище неподалеку от пагоды Небесного владыки. Все случилось так неожиданно, так внезапно...

"Так неожиданно, так внезапно. Так неожиданно, так внезапно. Так внезапно... Точнее, задушили. Да больше и некому. У какого-то родственника госпожи Фам Тху. В Дакао..."

- С вас полторы тысячи пиастров. Нет, нет, не пятнадцать тысяч, а всего полторы тысячи. Господин, наверное, не расслышал.

"Я хотел бы узнать свою судьбу, свою судьбу, свою судьбу..."

Тет!*

* Т е т - вьетнамский Новый год по лунному календарю, который празднуется в конце января - начале февраля.

Забудьте все разочарования, горечь обид, несчастья!

Пусть под крыши ваших домов вместе с веселым треском праздничных петард и тонким ароматом золотистых лепестков дикой груши войдет радость!

Тет!

Оглушительный вопль ликования, которым потомки вьетов в канун всеобщего обновления природы и всего живого на земле провозглашают свою веру в жизнь, свою жажду счастья и благоденствия!

Тет!

Забудьте все разочарования, горечь обид, несчастья! Веселитесь, встречайте новую весну!

Хоанг шел ссутулясь и опустив голову. Он брел, сам не зная, куда и зачем. Иглой буравили голову строчки из Нгуен Зу*:

Друг с другом не сблизясь, мы разошлись
в предрассветную стынь.

Мы в ней не успели друг друга узнать...

* Вьетнамский поэт конца XVIII - начала XIX века.

"Как же так, Лан? Как могло случиться, что ты не уберегла себя? Милая, родная Лан! Я не видел тебя целую вечность, но я знал, что ты существуешь, я верил в нашу встречу, и это помогало мне пройти сквозь столько невзгод! А теперь? Как быть теперь?"

Лан! Когда Хоанг увидел её впервые, красота девушки ошеломила его. Все было как во сне...

Он стоял у пагоды, и вдруг за его спиной раздались слова пароля, произнесенные таким голосом, словно кто-то мягко дотронулся до струны данбау*. Хоанг обернулся. Перед ним стояла девушка в фиолетовом аозай** с разбросанными по нему крупными бледно-розовыми лотосами и ноне***, перехваченном под подбородком фиолетовой лентой. Черные густые волосы девушки ниспадали по её тоненькой, изящной фигурке до пояса, а глаза, похожие на две спелые сливы, смотрели на Хоанга с детской доверчивостью и незащищенностью. И от одного этого взгляда у Хоанга пересохло в горле, а условный ответ напрочь выскочил из головы. Он промямлил что-то невразумительное, и девушка, пожав плечами, пошла дальше. И только когда она отдалилась на значительное расстояние, к Хоангу вернулась способность соображать. Он бросился вдогонку и на одном дыхании выпалил нужные слова. Девушка остановилась, удивленно посмотрела на него и вдруг расхохоталась...

* Вьетнамский национальный музыкальный инструмент с одной струной, имеющий весьма мелодичное звучание.

** Национальная женская одежда - длинная, ниже колен, шелковая туника с разрезами по бокам, под которую поддеваются белые шелковые брюки.

*** Конусообразная шляпа, которую носят вьетнамки.

"Лан, Лан! Что же мне теперь делать? Это так жестоко - жить, сознавая, что тебя больше нет".

Через несколько дней после их первой встречи Хоанг, нарушив все законы конспирации (за что был сурово наказан руководством подполья), разузнал, где жила Лан, и пришел к ней домой. Отец Лан - крупный чиновник - выгнал "нахального учителяшку", осмелившегося явиться в гости к его дочери. Папаша считал, что, во-первых, Лан должна сначала закончить университет, а потом заводить "любовные шашни", а во-вторых, она не может иметь ничего общего с человеком более низкого круга. Об участии Лан в подпольной деятельности родители, разумеется, не имели ни малейшего понятия.

Хоанг и Лан встречались урывками, и лишь три года спустя, после смерти родителей Лан, они смогли быть вместе. Но их счастье продолжалось недолго - всего месяц. Однажды на улице Хоанг почувствовал, что за ним следят. Он сделал попытку уйти от "хвоста", юркнул в ближайший проходной двор и тут же понял, что это была не слежка, а охота за ним. Раздались свистки, и к нему устремились несколько полицейских и шпиков в штатском. Хоанг бросился на соседнюю параллельную улицу, но путь к отступлению был отрезан: видимо, полиция оцепила весь квартал. Его схватили, привели в полицейский участок, а затем отправили в охранку. Там его в течение двух недель водили на допросы, каждый день избивали, требуя назвать имена других членов подпольной группы. По нескольким неосторожно брошенным следователем фразам Хоанг понял, что выдан провокатором. Он стойко переносил допросы и пытки и страшился лишь одного - ареста Лан. Через две недели собравшийся на скорую руку трибунал приговорил его к смертной казни через повешение, но за день до казни товарищи устроили ему побег.

Оказавшись на свободе, Хоанг с радостью узнал, что Лан охранка не тронула. Но о возвращении домой не могло быть и речи. Им устроили встречу на явочной квартире в одном из предместий Сайгона. Они провели вместе всю ночь, а на следующий день Хоанг ушел в освобожденные районы. Могли ли они тогда предполагать, что это будет последняя супружеская ночь в их жизни?

Уже сражаясь в партизанском отряде, Хоанг неоднократно задумывался над причинами своего ареста, но ответа не находил.

Если его взяли случайно, то откуда в охранке столь подробная информация о нем? А если Хоанга выдал провокатор, то почему остались на свободе Лан и другие члены их подпольной группы?

Постепенно он перестал думать об этом, занятый другими делами. Первое время Хоанг получал весточки от Лан и своего младшего брата Шона. Последнее письмо от Лан принесло два известия: радостное и скорбное. Лан писала, что у неё родился мальчик, которого она назвала Виеном, и что брат Хоанга погиб в перестрелке с полицией на её глазах.

Хоанг остро переживал и потерю брата, и разлуку с женой и сыном. Еще через некоторое время он узнал, что их группа разгромлена. Связь с Лан окончательно оборвалась.

Провоевав в джунглях лет пять, Хоанг получил задание перебраться в Хюэ, где вновь начал заниматься подпольной деятельностью под "крышей" бизнесмена.

"Лан, милая Лан, как же случилось, что нам не суждено больше увидеться?"

Хоанг не заметил, как прошла ночь. Утро застало его сидящим на берегу реки недалеко от города. Когда первые лучи солнца начали поглаживать водную поверхность, он поднялся и медленно побрел назад.

Хоанг вышел из Национального музея, где он только что встретился со связником центра. Связник сообщил, что центр разрешил Хоангу попытаться установить контакт со Смелым на могиле Лан. Эта мысль появилась у Хоанга после того, как он узнал о провале запасной явки для Смелого. Через два дня после посещения особняка Лан он отправился туда и увидел, что окна и двери магазинчика, хозяин которого был связным, наглухо заколочены. По соседству располагалась кафе, и Хоанг узнал от словоохотливых завсегдатаев, что владельца магазина арестовала полиция по чьему-то доносу.

Вот тогда-то и мелькнула у Хоанга мысль: а не догадается ли Смелый прийти на могилу Лан, чтобы оставить какой-нибудь знак, как-то сообщить о месте и времени встречи? Появляться на могиле Лан, разумеется, рискованно, и Смелый это наверняка понимает. Ведь убийство Лан, гибель её связника и провал запасной явки нельзя считать случайными совпадениями. Значит, охранке стало что-то известно и она, возможно, охотится за Смелым. Но другой возможности восстановить с ним связь нет. Важно, чтобы Смелому пришла в голову та же мысль.

...У кладбищенских ворот рядом сидели нищие. Пары сотен пиастров оказалось

достаточным для того, чтобы выяснить место захоронения богатой гадалки по имени Фам Тху, и Хоанг отправился в указанном направлении.

Попетляв немного среди надгробий, а заодно убедившись, что кругом нет никого подозрительного, Хоанг подошел к свеженасыпанному прямоугольному холмику. Над холмиком высилась мраморная стела, надпись на которой сообщала, что здесь покоится прах госпожи Фам Тху - предсказательницы человеческих судеб.

- Вот мы и встретились, моя Орхидея*, - беззвучно произнес Хоанг, чувствуя, как пустота и безысходность вновь заполняют все его существо.

* Имя Лан - по-вьетнамски означает Орхидея.

Он молча смотрел на холмик, а мысли опять унеслись к далеким дням их непродолжительного счастья. Медленно перебирая в памяти события прошлых лет, Хоанг снова вспомнил свою первую встречу с Лан, короткие свидания, шутиливую зависть друзей, "возмущавшихся" его везением, сдержанную ревность брата Шона, тоже влюбленного в Лан. Как давно это было! И было ли вообще?

Хоанг позволил себе расслабиться всего на несколько минут, а потом стал медленно обходить могилу, внимательно осматривая каждый сантиметр надгробия. Догадался ли Смелый прийти сюда? Оставил ли что-нибудь для Хоанга? А что, собственно говоря, он смог бы оставить? Любое послание, понятное Хоангу, будет понятно и филерам. Значит, Смелый может только ждать сигнала от Хоанга. Опять же - какого? Хоанг попросил центр подумать об этом, но ответа пока не получил.

Хоанг обошел могилу и вдруг сбоку, в самом низу мраморной стелы, увидел какие-то слова, торопливо нацарапанные острым предметом. Он нагнулся и прочел:

Ты не придешь уже.
А твой посланец?
Мой талисман и место первой встречи,
День пятый. Полдень.
Пять лигатур*, зажатые в моей руке.
По ним свою судьбу узнаешь...

* Мелкая монета в старом Вьетнаме. Во времена колонизации ее заменил пиастр.

Хоанг прочитал странное стихотворение ещё раз, запоминая наизусть. Он не сомневался, что фразы, записанные в виде незарифмованной элегии, оставлены Смелым, и не мог не восхититься изобретательностью своего незнакомого коллеги. Смелый назначал встречу Хоангу каждый четверг* в двенадцать часов дня; для того чтобы Хоанг узнал его, он будет держать в руке пятипиастровую монету. А место встречи и опознавательный знак Хоанга зашифрованы в строчке "мой талисман и место первой встречи". Разгадать смысл этих слов было несложно, но сделать это мог, как представлялось Хоангу, только один человек: жена Смелого (если он был женат) либо женщина, которую он любит. Судя по всему, она находится в освобожденных районах, и Смелый рассчитывает, что Хоанг отправит "элегию" в центр для расшифровки. "Да, видимо, Смелый имеет в виду место, где он впервые встретился с какой-то женщиной, - ещё раз сказал самому себе Хоанг, - а под талисманом подразумевает какой-то маленький подарок, сделанный ей. И этот "талисман" должен оказаться в моих руках".

* Во Вьетнаме дни недели не имеют названий, а обозначаются порядковыми номерами начиная с воскресенья. Таким образом, четверг - это "пятый день".

Легкие шаги сзади заставили Хоанга обернуться. К могиле подошел молодой человек. "Засада!" - Хоанг лихорадочно соображал, что предпринять. Молодой человек внимательно посмотрел на него и вдруг спросил:

- Вы пришли сюда, потому что знали мою мать?

У Хоанга моментально пересохло во рту, по телу пробежала дрожь. Ощущение, охватившее его, было странным. Он почувствовал радость, но не такую, как при долгожданной встрече с близким человеком, а радость сдержанную, настороженную, недоверчивую. Он ответил не сразу, а закурил, чтобы скрыть волнение. Он был не готов к такой встрече.

- Когда-то, очень давно, - произнес наконец Хоанг, - эта женщина (он чуть было не назвал Лан её настоящим именем, но вовремя спохватился) написала мне, что у неё родился сын. Мой сын.

На лице молодого человека появилась растерянность:

- Выходит... вы мой отец?

- Выходит, что так, - усмехнулся Хоанг, уже успевший побороть в себе смятение первой минуты.

Молодой человек провел рукой по лицу и тоже достал сигареты:

- Я... я не знаю, что нужно говорить в таких случаях.

- Я тоже, - признался Хоанг.

Отец и сын одновременно повернулись к могиле и молча стали смотреть на нее. Каждый думал о своем. Так простояли они минут пятнадцать, пока совсем не стемнело.

- Твое имя - Виен? - спросил Хоанг. - Так писала мне жена в своем последнем письме.

- Да, - ответил молодой человек.

- А мое - Хоанг. Вот мы и познакомились.

Хоанг украдкой посмотрел на сына. Виен был похож на мать. Такие же тонкие черты лица, необычный для вьетнамца нос горбинкой, та же манера поджимать губы. От Хоанга Виену достались только глаза. Даже не сами глаза, а взгляд - из-под полуопущенных век, немного недоверчивый.

- Тебе известно, как это случилось?

- А разве вам это интересно? - вопросом на вопрос ответил Виен. - Вы с матерью расстались ещё до моего рождения, насколько я понял. Разве это не достаточный срок для того, чтобы стать посторонними людьми? И вообще, почему вы вдруг вспомнили о ней? Вас заинтересовало наследство?

Резкий тон сына, как ни странно, не обидел Хоанга. Даже наоборот - обрадовал. В этой по-мальчишески не обдуманной прямоте угадывалось что-то человеческое, нефальшивое.

- Наш брак не был зарегистрирован, - спокойно ответил он. - Так что за наследство можешь не волноваться. Я на него не претендую. А где тебя учили судить людей, не успев узнать их?

Виен быстро посмотрел на отца и тут же отвел глаза в сторону.

- Простите, - буркнул он. - Просто я подумал... Впрочем, неважно.

- Я не обязан отчитываться перед тобой, но все же скажу: все эти годы я любил твою мать так же, как любил её, когда мы были вместе. Думаю, что и она тоже... любила меня.

- Тогда почему же вы?... - Виен осекся.

- Расстались и столько лет не виделись? Это долгая история. Долгая и сложная. Когда-нибудь я тебе расскажу. Но только не сегодня. А разве мать ничего не говорила обо мне?

- Я не видел её с четырех лет, - отозвался Виен.

- Вот как? У кого же ты жил?

- У её дяди. Он скрывал от меня, что мать жива. Говорил, что она умерла.

Не знаю, зачем ему это было нужно. И только месяц назад я узнал, что он обманывал меня. Дядя умер, и я поехал в Дананг на похороны. Там нашел письмо от матери в его бумагах. Она просила дядю ответить ей и дать мне её адрес, чтобы мы могли хотя бы изредка видеться. После похорон я вернулся в Сайгон, думал, что увижу мать. И снова попал на похороны.

- Так в последнее время ты жил один?

- Да, - ответил Виен, снова закуривая сигарету. - Мы с дядей переехали в Дананг, когда мне было лет десять. После школы меня сразу же забрали в армию и отправили учиться в Штаты. Там я пробыл пять лет и получил назначение в Сайгон. Они медленно двинулись от могилы в сторону выхода.

- А где ты служишь сейчас? - спросил Хоанг.

- В управлении "Феникс".

- "Феникс"? - переспросил Хоанг как можно более равнодушным тоном. - Красиво звучит. Только мне это ни о чем не говорит.

- Особые полицейские части. Занимаются выявлением и ликвидацией вьетконговской агентуры.

- Ты говоришь о своей работе так открыто?

- А почему я должен скрывать, где служу?

- Ну... обычно сотрудники таких служб стараются не афишировать свою

принадлежность к ним.

- Филеры и осведомители - да. А я служу в канцелярии, хожу на службу в форме. Вьетконговцы прекрасно знают, где расположено управление, и при желании могут сфотографировать каждого, кто выходит из его дверей. Так что я не открыл вам никакого секрета.

Хоангу показалось, что слова "филеры" и "осведомители" Виен произнес с оттенком презрения. А может, ему просто хотелось услышать такую интонацию в голосе сына? Но надеяться было не на что, и Хоанг прекрасно это понимал. Рядом с ним шел враг.

- Ну и как, нравится работа?

Виен усмехнулся:

- Я не задумывался. Работа как работа. Во всяком случае, пользы от неё больше, чем от любой другой.

- Почему?

- Разве непонятно? - пожал плечами Виен. - Самое важное сейчас - борьба с коммунистами. - И добавил: - Ненавижу их!

Такого ответа и следовало ожидать от человека, который был офицером безопасности марионеточного режима. И все же словно кто-то по лицу ударил Хоанга. Хлестко, наотмашь.

- Они тебе что-нибудь сделали?

Виен резко остановился.

- А вы что, симпатизируете им? - прищурившись, спросил он.

- О, в тебе, кажется, заговорил профессиональный инстинкт, - засмеялся Хоанг, выдержав настороженный взгляд сына. - Я бизнесмен, и политика меня не интересует. Но ты говоришь так, словно у тебя с ними личные счеты.

- Да, у меня с ними личные счеты, - отчетливо и раздельно произнес Виен. - Они поломали мне всю жизнь.

- Вот как?

Виен скривил губы:

- Да, именно так. Они поломали мне всю жизнь, - снова произнес он. - Я хотел быть врачом. Хотел лечить людей, а не убивать их. Но меня забрали в армию, сделали жандармом. И все из-за красных. Сколько лет длится эта проклятая война, которую они начали? Что им нужно от нас? Упрягать всех нас в казармы и заставить жить по команде? По команде любить, по команде жениться, по команде выбирать профессию. О такой свободе они постоянно толкуют? Они убили мою мать. За что? Что она им сделала? Вот их свобода - свобода убивать!

- Откуда ты знаешь, что её убили вьетконговцы?

- Было расследование. Они всех убивают, кто не хочет их поддерживать. И если им поддаться, они всех нас перебьют. И поэтому их нужно уничтожать. Я буду им мстить - за себя, за мать.

- Ну ладно, хватит о политике, - перебил сына Хоанг, которому каждое слово причиняло боль.

- Вот-вот! - ещё больше распалился Виен. - Если вьетконговцы нас сожрут, то из-за таких, как вы, нейтралитов.

- Нейтралитизм - это политика, - возразил Хоанг. - А я уже сказал, что политика меня не интересует.

- Действительно, хватит о политике, - вдруг примирительно сказал Виен. - Расскажи лучше... Расскажите лучше о себе.

- Тебе хочется назвать меня на "ты"? - потеплел Хоанг.

- Каждому человеку нужен отец, - серьезно ответил Виен. - Особенно остро это ощущаешь, когда у тебя его не было с детства.

- Тогда - прочь церемонии.

- Попробую.

И Виен улыбнулся отцу.

Смятение, которое Хоанг испытал в первые минуты их встречи, вновь вернулось к нему. Да, его сын - враг. Но ведь это е г о с ы н! Это их с ы н - его и Лан! Пусть он - враг, но в нем есть что-то человеческое, порядочное. И Хоанг не может, не имеет права отступить от него! Эта их первая встреча не должна быть единственной! Ведь он столько лет ждал ее! Нет, он обязан что-то сделать. Но что? Рассказать Виену о его матери, о том, как они вместе начинали борьбу? Рассказать, что суровые законы подпольной работы разлучили их с Лан не на год, не на два, а на целые двадцать лет? Рассказать, что отец Лан проклял свою дочь за то, что она стала революционеркой и что именно поэтому дядя отобрал

у неё Виена? А Хоанг не сомневался, что четырехлетнего Виена разлучили с матерью именно из-за этого. Хоанг о многом мог бы рассказать своему сыну. О том, как шагал сотни километров по пыльным дорогам, пробирался по топким болотам, по непроходимым джунглям, изъеденный до язв москитами, изнывающий от жары и жажды. О том, как не ел, не спал по несколько суток, как спасал под бомбами детей в деревеньке, где стоял их отряд.

Да, Хоанг многое мог бы рассказать Виену. Увы, это было исключено. Во всяком случае, сейчас. Остается только ждать, присматриваться к нему, исподволь искать пути к глубинам его души, где, может быть, осталось ещё что-то такое, что сможет их сблизить. Может быть...

- Мне рассказывать особенно нечего, - задумчиво произнес Хоанг, стараясь отогнать от себя невеселые воспоминания. - После того как мы расстались с твоей матерью, я уехал в Лаос, открыл небольшой магазин. Десять лет назад вернулся, поселился в Хюэ. Я ведь родом оттуда.

- А в Хюэ у тебя тоже магазин? - Виен уже окончательно перешел на "ты".

- Да.

- А чем ты торгуешь?

- Продаю картины на лаке.

- Сюда приехал ненадолго?

- На месяц-полтора. Хочу расширить дело и перебраться в Сайгон.

- Это было бы неплохо. Мы могли бы чаще видеться.

- Конечно, - согласился Хоанг. - Одиночество - паршивая штука. Знаю по себе. У тебя ведь здесь тоже нет близких, насколько я понимаю.

Виен отрицательно помотал головой.

- Встречаешься с какой-нибудь девушкой?

Виен замялся:

- Как тебе сказать? В общем-то, да.

- А кто она?

- Студентка. Учится в пединституте. Живет с матерью. Мать держит галантерейную лавку.

- Также без отца?

- Да нет. Отец у неё есть. Но он с ними не живет. Она - метиска. Ее отец - американец.

- Ну, сейчас это не редкость.

- А Лан ужасно переживает. В детстве её всегда дразнили, да и сейчас задевают. Но она очень хорошая девушка.

"Лан! - снова кольнуло Хоанга. - Лан!"

- Ты ей тоже нравишься?

- Не знаю. Не могу её понять. У неё такой вздорный характер.

- А как вы познакомились?

- Когда я учился в Штатах, её отец преподавал у нас психологию. В позапрошлом году я приезжал сюда на каникулы, и он попросил передать Лан и её матери подарки от него. Кстати, господин Уоррел иногда приезжает сюда. Это необыкновенный человек. Вьетнам знает так, что можно позавидовать. Я ему многим обязан. Он помогал мне в Штатах и вообще заботился обо мне. Почти каждый праздник я проводил в его доме, ездил с ним отдыхать на море. Он и устроил меня работать в "Феникс" через своих знакомых. Такое место сейчас нелегко получить. Я вас обязательно познакомлю. Он тебе понравится.

"Что ж, - подумал Хоанг, - встреча с этим Уоррелом не помешает. Даже наоборот - такие связи только охраняют. Тем более что знакомство будет вполне обоснованным и не вызовет подозрений ни у охранки, ни у американских секретных служб. А этот Уоррел, судя по всему, не простая птица и явно имеет к ним отношение. Преподает психологию в академии и иногда приезжает во Вьетнам. Не в ЦРУ ли работает этот "психолог"?"

- Через два дня - Тет, - сказал он Виену. - Где ты его празднуешь?

- У Лан. Она с матерью и я. А знаешь что - пойдём к ним вместе.

- Это, наверное, неудобно. Они приглашали только тебя. Тет - праздник семейный. Как же ты явишься вдруг с незнакомым человеком.

- Госпожа Бинь считает меня своим человеком в доме, - продолжал уговаривать отца Виен. - Она всегда так сокрушалась, что у меня нет родителей. В общем, решено: мы идем вместе.

Предположение Хоанга оказалось верным. В центре "элегия" Смелого

расшифровали с помощью его жены очень быстро. Она рассказала, что познакомилась со своим будущим мужем в небольшом кафе "Виньлой" на бульваре Нгуен Хюэ и что Смелый подарил ей нефритовый медальон в форме сердечка. Передав Хоангу сообщение центра, связной вручил ему и этот медальон.

В четверг в двенадцать часов дня Хоанг подошел к кафе "Виньлой". Войдя внутрь, он сразу же увидел Смелого. Мужчина лет сорока в военной форме с одутловатым лицом и коротко подстриженными волосами сидел за столиком у окна и задумчиво вертел в руках пятипиастровую монету. "Элегия" была расшифрована правильно", - радостно подумал Хоанг и направился было к столику Смелого.

Но в этот момент из кухни вышел официант с подносом, на котором стояла чашечка кофе, и направился к столику Смелого. Увидев лицо официанта, Хоанг понял, что нужно немедленно уходить и что больше ему появляться в "Виньлое" нельзя.

Он узнал этого парня сразу. Тот был платным осведомителем полиции и раньше работал в отеле "Мажестик". Года полтора назад Хоанг, который приезжал в Сайгон по заданию центра, встречался в ресторане отеля с подпольщиком, тоже работавшим под "крышей" бизнесмена. Тот, видимо, попал в поле зрения полиции и привел за собой "хвост". Их попытались взять прямо в ресторане, и официант принимал в этом участие. Хоангу и его товарищу с трудом удалось уйти, пришлось отстреливаться... Официант не мог не запомнить Хоанга в лицо, потому что в течение нескольких дней обслуживал его, когда тот жил в отеле.

"Что же теперь делать? - думал Хоанг, направляясь в сторону набережной. - Как установить контакт со Смелым?"

И тут он вспомнил о брате. Ну конечно же! Шон отправится в следующий четверг в "Виньлой" и назначит Смелому новое место встречи с ним, Хоангом.

- Не верю, - голос Шона прозвучал глухо. - Не могу поверить. Понимаешь? Не могу.

- Понимаю, брат. Когда я услышал... - Хоанг махнул рукой и закурил.

- А сын? Сына ты видел?

- Видел. - Хоанг смотрел в одну точку, медленно выпуская дым изо рта. -

Видел. Он... он - враг. Офицер службы безопасности...

- Как же так, Хоанг? - растерялся Шон. - Ведь Лан...

- С четырех лет Виен воспитывался у её дяди. Ты, наверное, помнишь - я рассказывал о нем. Это был тот ещё тип. При слове "революция" у него начинался приступ астмы. Виен узнал, что у него есть мать, уже после смерти Лан. Мы встретились на её могиле.

- И что же теперь ты будешь делать?

- Не знаю, брат. Не знаю. - Хоанг пожал плечами и повторил ещё раз: - Пока ничего не знаю. Мне нужно время, чтобы осмыслить все, что произошло.

- Хоанг, - Шон дотронулся до плеча брата. - Я понимаю, как тебе трудно, и не буду искать слова утешения. Тебе от этого не станет легче. Скажу только, что у тебя есть я. Как бы ни сложились твои отношения с сыном, ты помни об этом...

- Да, да, конечно. Спасибо, брат, - растроганно произнес Хоанг. - Встреча с тобой - это... это... Даже и не знаю, как сказать... Ну ладно, хватит об этом. Займемся делами. Гибель Лан осложнила ситуацию. Ведь Динь получал информацию от нее.

- Вот как? - удивился Шон. - Ты ничего не сказал мне об этом во время нашей первой встречи.

- Ты извини, - отозвался Хоанг, почувствовав легкую обиду, проскользнувшую в голосе Шона. - Но ты должен понять меня. Ведь я шел на встречу с Лан как связник. Я не имел права...

- Я понимаю, Хоанг, конечно же я все понимаю. Законы конспирации одинаковы для всех. - Шон покачал головой. - Подумать только! Мы работали рядом и ничего не знали друг о друге...

Он вскинул голову:

- Послушай, но... Динь и Лан... Я боюсь, что это не случайно.

- Больше того - провалена запасная явка, на которую должен был перейти человек, встречавшийся с Лан. Его кличка - Смелый. - Хоанг загасил сигарету и потер переносицу. - Завтра нужно будет собрать всю группу. Мы должны непременно выяснить обстоятельства гибели Диня и Лан и провала второй явки. Нужно установить, откуда исходит опасность. И нужно как можно быстрее восстановить связь со Смелым. Я уже пытался это сделать, но неудачно. В следующий раз пойдешь ты.

Хоанг рассказал Шону об официанте, которого видел в "Виньлое", отдал ему нефритовый медальон и сказал, как узнать Смелого.

Лан возвратилась домой только к шести часам вечера.

- Ты забыла, что сегодня Тет? - накинулась на неё мать, как только она вошла в прихожую. - Виен обещал прийти вместе со своим отцом. Они вот-вот появятся, а у нас ничего не готово. Помоги мне накрыть на стол.

Виен! Лан вспомнила о нем только сейчас. Как же она могла забыть, что сегодняшний вечер у неё занят и что посторонние в доме ни к чему? Ведь на сегодня назначена операция по освобождению студенческих активистов, арестованных неделю назад во время разгона демонстрации. Боевой группе, в которой состояла Лан, было поручено устроить взрыв тюремных ворот, чтобы во время суматохи заключенные могли перебраться через стену с противоположной стороны. А взрывчатка была спрятана у Лан, потому что её дом находился почти рядом с тюрьмой. И в восемь часов Лан должна будет передать её ребятам из группы.

Ох, как не нужны сегодня в доме посторонние люди! Лан продолжала стоять в прихожей, стараясь придумать, как выйти из затруднительного положения.

Постепенно мысли её вернулись к Виену. Ну почему, почему он не с ней, не с её друзьями? Ее отношение к Виену было настолько сложным и противоречивым, что она никак не могла разобраться во всем как следует, не знала, что ей делать.

Когда он впервые год назад появился у них в доме и привез подарки от отца из Америки, Лан сразу почувствовала, что понравилась ему. Да и сама она обратила внимание на высокого симпатичного юношу с чуть насмешливым взглядом. А особенно Виен пришелся по душе её матери. И когда он попросил разрешения как-нибудь зайти к ним ещё раз, мать поспешила пригласить его на ужин в ближайшую субботу.

Виен стал бывать у них в доме регулярно. Однажды в разговоре он сказал, что цель его жизни - истреблять вьетконговцев. На вопрос почему Виен ответил, что коммунисты разлучили его с родителями и что из-за развязанной ими войны он не смог осуществить свою давнюю мечту - стать врачом. Первой реакцией Лан было желание немедленно выгнать его и запретить появляться в их доме. Но она не сделала этого. И не только боязнь обнаружить перед Виеном свои симпатии к патриотам помешала Лан резко ответить ему. Было что-то еще. А что - она и сама тогда не поняла.

Как-то Виен пришел к ней в гости в форме, и у Лан мелькнула мысль, что он может оказаться полезным для неё и её товарищей. Она посоветовалась с руководителями группы, и те разрешили ей встречаться с Виеном, чтобы присматриваться к нему, изучать его. Они виделись два-три раза в месяц, и Лан принимала ухаживания молодого человека в той степени, в какой это было необходимо для поддержания знакомства, не больше.

Виен был умен, эрудирован и смел в суждениях. Он в открытую говорил о том, что ему надоела война, хотя говорить об этом вслух означало навлечь на себя крупные неприятности. В разговорах с Лан он с нескрываемым отвращением называл своих сослуживцев негодяями и взяточниками, которые думают не о борьбе с вьетконговцами, а лишь о наполнении собственных карманов, торгуют наркотиками, крадут и продают казенное имущество.

Лан даже начала подумывать о том, чтобы поговорить с Виеном начистоту, но не решалась. Она уже поняла, что переубедить его одними словами будет трудно, практически невозможно. Слишком искренне верил он в свою правоту.

Виен нравился ей все больше и больше, а потом она поняла, что любит его. Долгое время девушка не хотела признаваться себе в этом, но сделать уже ничего не могла. Лан мучительно переживала свою любовь в одиночку, не решаясь порвать с Виеном, не осмеливаясь на откровенный разговор. Мысль о том, что человек, которого она любит, - враг и что она вынуждена "разрабатывать" его, причиняла Лан невыносимую душевную боль, не давала покоя, давила своей безысходностью.

- Лан, что же ты не поднимаешься наверх? - прервал размышления девушки голос матери. - Я же просила тебя помочь.

Франсуаза спустилась в прихожую, подошла к дочери:

- Ты не рада? А я-то думала, Виен тебе нравится. Такая подходящая партия для тебя... И отец у него - богатый человек. Как здорово, что они нашли друг друга. Ах Лан, как я была бы счастлива, если бы вы поженились! Виен мне сразу пришелся по душе. Еще в тот день, когда он впервые появился у нас. Такой симпатичный молодой человек. Имеет хорошую должность. Лучшего мужа...

- Мама, перестань! Ты ничего не понимаешь! Я никогда не стану женой

жандарма! Господи, о чем мы вообще говорим? С чего ты взяла, что он мне нравится?

- Я же вижу, дочка. Вижу, как ты на него смотришь. А уж он-то... Он, по моему, влюблен в тебя...

- Хватит! Я не хочу больше говорить на эту тему!

- Ну, хорошо, дочка. Только не надо сердиться. Иди оденься понарядней и накрывай на стол на пятерых.

- А кто пятый? - недовольно спросила Лан.

- Твой отец.

Лан резко повернулась к матери.

- Зачем ты его пригласила? - сухо спросила она.

- Но, дочка... - смущенно ответила Франсуаза, - он оказался в Сайгоне, позвонил... Мне было неудобно не пригласить его. Он не видел тебя лет восемь. Ему интересно...

Губы Лан задрожали, на глазах показались слезы. Франсуаза проворно подбежала к дочери, обняла её за плечи:

- Что с тобой, дочка? Ну не надо, не плачь. Ну что я особенного сделала? Я думала, ты будешь рада. Ведь он все-таки отец тебе. Я... я не понимаю...

- Ему интересно! А ты подумала - будет ли интересно мне? - сквозь слезы быстро заговорила Лан. - Зачем, зачем ты его пригласила? Я не хочу его видеть! Никакой он мне не отец! У меня нет отца! Понимаешь? Нет! Мало мне того, что меня в школе дразнили бледным недоноском? Мало мне того, что у меня не такие, как у всех, черты лица? Почему я должна видеть у себя дома человека, который искалечил мне всю жизнь? Да ещё любезничать с ним! Я не хочу! Не хочу!

- Бог с тобой, дочка, - принялась увещевать её Франсуаза. - Что ты такое говоришь? Разве зазорно быть дочерью американца? Вовсе нет. Наоборот, это даже приятно. Они ведь наши друзья. Так получилось, что мы не поженились... Но что поделаешь? Эдвард - прекрасный человек. Ты увидишь.

- Оставь меня! - Лан сбросила со своих плеч руки матери. - Оставь меня в покое! Все, что ты могла сделать для меня, ты уже сделала... с этим американцем! Все они мерзавцы! Мерзавцы! Пусть они все убираются отсюда! И твой Уоррел тоже! Слышишь? Пусть убирается! Или я уйду из дому! Сегодня же! Сейчас же!

Лан бросилась к себе в спальню, заперла дверь на ключ и упала, рыдая, на кровать.

- Доченька, доченька, открой, - всхлипывала по ту сторону двери Франсуаза.

- Лан, выслушай меня. Так нельзя, Лан. Так нельзя, Лан, ну пожалуйста, открой. Ты слышишь меня?

Лан плакала, уткнувшись в подушку, и не отвечала на призывы матери. Франсуаза ещё немного постояла под дверью, умоляя Лан впустить её, потом ушла.

Постепенно Лан успокоилась. Она перевернулась на спину и лежала, глядя в потолок заплаканными глазами. Ну почему, почему ей так не везет в жизни? Соседи считают её мать легкомысленной женщиной, потому что у неё вьетнамское имя и потому что её дочь - только наполовину вьетнамка. И Лан, насколько она себя помнит, всегда была вынуждена выслушивать обидные и грязные намеки. В детстве ей не давали проходу. Ее мать называли шлюхой, а её саму - казарменной дочкой, проклятой американкой и ещё бог знает какими обидными именами. Не проходило дня, чтобы кто-нибудь из соседских ребятишек не оттащил её за волосы, приговаривая, что вьетнамка не может быть светлой и что её нужно обрить наголо.

Немного повзрослев, Лан начала красить волосы в черный цвет, чтобы хоть как-то быть похожей на своих соотечественников. Когда она начала учиться в институте, ей в глаза никто ничего не говорил. Но за своей спиной она слышала ехидный, язвительный шепоток, чувствовала неприязненные взгляды окружающих.

Бедная мама! Конечно же она ни в чем не виновата. Ей было тогда только восемнадцать лет. Могла ли устоять она, молоденькая танцовщица из варьете, перед Уоррелом? А он, наверное, умел обхаживать хорошеньких девушек. Что ж теперь сделаешь, если так получилось? Мама - добрая, хорошая женщина. Но она ничего, совершенно ничего не понимает. Живет легко и беззаботно. Торгует себе женским бельем и думает, что счастлива.

Лан спустилась в кухню.

- Ма, прости меня, я не хотела тебя обидеть, - она подошла к матери и потерлась щекой о её плечо.

Франсуаза всхлинула. Отставив в сторону тарелку, она взяла обеими руками голову Лан, прижала к себе:

- Ты думаешь, мне легко? Все эти годы без мужа. Разве я виновата в том, что поверила ему? Хорошо - у тебя такой характер. Ты можешь постоять за себя. А у меня... Мне бы повесить трубку, когда он позвонил. А я вспомнила молодость. Тогда было хорошо. Но этого уже не вернешь. И я ни о чем не жалею. Потому что у меня есть ты. А ты... так меня обидела сегодня.

- Ну не надо, ма. Не надо так говорить, - жалобно попросила Лан. - А то я опять разревусь. Прости меня, ладно?

Франсуаза смахнула со щеки слезу и кивнула:

- Ну, иди приведи себя в порядок. Вот-вот придут гости, а ты ещё не одета.

Лан чмокнула мать в щеку и побежала наверх.

На улице хлопнула дверца автомашины. "Уоррел, - досадливо поморщилась Лан. - Уж лучше бы Виен с отцом пришли первыми. О чем я буду говорить с этим американцем?"

Она бросила сердитый взгляд на дверь спальни, за которой переодевалась мать, и пошла вниз.

Лан угадала. Раздался стук в дверь, и на пороге появился Уоррел с огромной охапкой розовых лотосов.

Выглядел он эффектно. Поджарый, элегантный, в белом костюме. Даже симпатичный - с седеющими висками, смеющимся взглядом, мягкой линией рта и приятной улыбкой. Истинный американец с рекламных проспектов о стране, где "каждый может стать миллионером".

- Черт побери! - густым баритоном воскликнул Уоррел. - Неужели это Лан? Тебе не говорили, что ты дьявольски красива? Подумать только, что это моя дочь! Ну, здравствуй. Боже, как ты похорошела! Я же в последний раз видел тебя таким неказистым волчонком, да к тому же ещё и сердитым. Ну, дай я тебя поцелую!

- Здравствуйте, господин Уоррел, - тихо ответила Лан, отступив на шаг. - Вы знаете, мой характер с тех пор совсем не изменился.

- Что я ценю в людях - так это искренность, - засмеялся Уоррел. - Но от цветов, я полагаю, ты не откажешься?

Он отделил от букета половину лотосов и вручил их Лан.

- Благодарю вас, - ответила девушка.

- А где мама? - спросил Уоррел.

- Я здесь, Эд!

По лестнице торопливо спускалась Франсуаза в гладком темно-зеленом аозай.

- Вы не представляете, дорогой Эд, как я рада вас видеть! - воскликнула она, устремляясь навстречу Уоррелу.

- Добрый вечер, Франсуаза, - Уоррел элегантно поклонился и поцеловал ей руку. - Вы, как всегда, очаровательны.

- Что вы, что вы, Эд! - замахала руками Франсуаза и кокетливо добавила: - Годы летят так быстро.

Уоррел протянул Франсуазе оставшиеся цветы.

- Ах, какие замечательные цветы! - зашебетала Франсуаза. - Я никогда не видела таких крупных лотосов. Лан, приглашай Эд... папу наверх, а я поставлю цветы в воду.

- Прошу вас, господин Уоррел, - Лан сделала приглашающий жест рукой, отступив на шаг.

- Ты называешь Эда господином Уоррелом? - Франсуаза обернулась и удивленно подняла брови. - Но это же твой отец!

- Я, конечно, польщена таким родством, - ответила Лан. - Но не знаю, на каком языке называть господина Уоррела папой. На своем? Это будет звучать странно для него. А по-английски - для меня теряется весь смысл этого слова.

- Лан, как тебе не стыдно!

Франсуаза виновато посмотрела на Уоррела:

- Совершенно несносный характер. Вы уж, пожалуйста, не сердитесь, Эд.

Уоррел засмеялся.

- Характер - мой, - не без гордости произнес он. - Я ведь в молодости тоже был таким... невыносимым. И потом, разве можно сердиться на человека за прямоту? Я прекрасно понимаю Лан. Ежедневно, в течение многих лет она сталкивается с моими соотечественниками, среди которых, увы, слишком много не самых лучших представителей Америки. Пьяные, грубые солдаты, оборванные хиппи, тупая военная жандармерия... И все они ведут себя на улицах ваших городов, словно в своем собственном доме. Вполне естественно, что Лан видит в каждом американце

воплощение чуть ли не всех пороков. Но поверь мне, моя девочка, - Уоррел повернулся к Лан и заговорил проникновенным тоном, который был у него отрететирован много лет назад, - поверь мне, что есть другая Америка. Америка ваших друзей. Америка, готовая всегда прийти на помощь своим союзникам. Америка, которая желает вам добра. Спроси об этом у Виена. Ты, конечно, можешь считать меня кем угодно - это твое право. Любовь не завоевывают насильно. Но я хочу, чтобы ты знала: твой отец Эдвард Уоррел никогда не был и не будет врагом твоего народа. Я не военный, не политик, а сугубо гражданский человек. Моя специальность - психология людей. Я долго жил в твоей стране, занимаясь научной деятельностью, и проникся огромным уважением к твоим соотечественникам. И я рад, что мне, иностранцу, в какой-то мере удалось понять вашу психологию, войти, если можно так выразиться, в "запретный город" вьетнамской души.

Франсуаза, на которую спич Уоррела произвел большое впечатление, промакнула платочком покрасневшие глаза и сердито посмотрела на дочь:

- Вот видишь, какой человек Эдвард. А ты... ты всех всегда обижаешь, всем дерзишь.

Лан почувствовала себя смущенной: все-таки она слишком несправедлива к отцу. Он прав: не все американцы похожи на тех, что она ежедневно видит на улицах Сайгона. Ведь есть в Америке люди честные, порядочные. Может быть, и Уоррел относится к таким?

- Мама, давай цветы, я поставлю их в вазочки, - сказала она, чтобы скрыть свое замешательство, и, взяв у Франсуазы её букет, направилась в кухню.

Там она выбрала две вазочки, но тут же убрала их обратно в шкаф, а цветы положила на табурет. Нужен же будет предлог, чтобы спуститься вниз в восемь часов, когда придут её друзья за взрывчаткой. Потом, задумавшись, встала у окна. Как ей вести себя с Уоррелом? Еще не зная его, Лан уже сочла его врагом. Но ведь он отец ей. К тому же сейчас он, кажется, говорил искренне. Как быть? С кем посоветоваться? С ребятами? Они не поймут. Отец! Как странно! Лан уже привыкла к мысли о том, что у неё нет отца. Но кто может понять, что такое расти без отца? Виен, наверное, испытал то же самое. Он вообще с детства не знал родителей. Наверное, поэтому он и стал таким... жестким, суровым. Но ведь в душе он другой. Просто он замкнулся и не дает волю чувствам. Ну зачем, зачем он уехал в Америку?

От размышлений Лан оторвал новый стук в дверь. Она вышла из кухни, щелкнула замком входной двери.

- Добрый вечер, Лан, - сказал Виен, пропуская вперед отца. - Знакомьтесь. Представлять вам друг друга я не буду - все и так ясно.

Хоанг и Лан обменялись вежливо-сдержанными приветствиями.

- Это тебе, - спохватился Виен, протягивая девушке букет роз.

Лан взяла букет и, извинившись, поспешила уйти в кухню - она все ещё не могла оправиться от смущения, вызванного словами Уоррела, и не хотела показывать этого Виену и его отцу.

- Лан, как же так? - воскликнула, показываясь на лестнице, Франсуаза. - Ты оставила гостей одних!

- Здесь подгорело мясо! - прокричала Лан из кухни.

- Добрый вечер, проходите, пожалуйста, - Франсуаза спустилась вниз и кокетливо протянула руку Хоангу, затем Виену. - Я так рада с вами познакомиться, господин Хоанг. Это просто великолепно, что вы встретились с Виеном. Я ужасно переживала за бедного мальчика. С детства не зная родителей - это ужасно, ужасно.

И, не дожидаясь, пока Хоанг ответит, повернулась к Виену:

- А для тебя есть сюрприз. Угадай - какой?

- Сдаюсь заранее, - поднял руки Виен.

- Тет с нами будет праздновать господин Уоррел.

- Господин Уоррел! - удивленно и обрадованно воскликнул Виен. - Вот здорово! Когда же он приехал?

- Несколько дней назад, мой мальчик, - раздался сверху голос Уоррела.

Он неторопливо сошел по лестнице, взял Виена за плечи и откинул голову назад:

- Ну-ка, дай я посмотрю на тебя. Прекрасно, прекрасно выглядишь. Прошел всего год, как мы последний раз виделись, а ты изменился. Стал как-то взрослее.

Виен пожал плечами, криво усмехнулся.

- Я знаю, знаю, мой мальчик. Потерять мать - большое горе. Даже если ты её совсем не знал. Но ты мужчина. А мужчина обязан переносить несчастья стойко. Все

же ты нашел отца. Я понимаю, одно другого не заменит. Но тебе будет легче перенести горечь утраты. Теперь вас двое. У вас есть хорошие друзья. И не только в этом доме.

Виен благодарно улыбнулся.

Уоррел протянул руку Хоангу:

- Искренне рад с вами познакомиться, господин Хоанг. И рад за Виена. Не откажу себе в удовольствии заметить, что у вас отличный сын. Именно такие люди нужны сейчас вашей стране.

- Я тоже рад знакомству, - ответил Хоанг. - Хотя мы с Виеном не успели ещё о многом переговорить, о вас он уже рассказывал, причем в самых восторженных словах. Приятно было слышать, что в чужой стране его окружили вниманием и заботой.

- О, нет, я с вами не согласен, - пылко возразил Уоррел. - Виен находился не в чужой стране. Правда, мой мальчик?

- Ну конечно, - улыбнулся тот. - В Штатах к нам относятся прекрасно, отец. Я чувствовал себя, как дома. Господин Уоррел позаботился об этом.

- Прошу всех в гостиную, - Франсуаза театрально раскинула руки. - Ждать больше некого - все в сборе.

Хоанг и Виен прошли вперед, а Уоррел задержался, глядя в спину Хоангу. "Судя по всему, Джейк говорил о вас, господин торговец, - в душе усмехнулся он. - Забавно. Мы оба пытаемся встретиться с одним и тем же человеком, только цели у нас разные. Вы - чтобы установить с ним связь, а я - чтобы помешать этому. Вот уж никогда не подумал бы, что нам придется оказаться за одним столом. Да ещё такое совпадение: наши дети, кажется, равнодушны друг к другу. Забавно, забавно".

В гостиной Франсуаза подошла к домашнему алтарю - высокому столику, на котором стояли курильница, тяжелые подсвечники и блюдо с фруктами. Она зажгла свечи, благовонные палочки, и, повернувшись к присутствующим, высокопарно произнесла:

- Давайте сядем за этот скромный праздничный стол и в тесном семейном кругу встретим новую весну. И пусть души наших предков придут к нашему очагу, чтобы порадоваться за наше благополучие. Господин Хоанг, вы не будете возражать против того, что я назвала всех нас одной семьей? За этот год я так успела привыкнуть к вашему сыну, что считаю его... совсем своим. Надеюсь, что и для вас этот дом станет таким же близким.

- Благодарю вас за теплые слова, госпожа Франсуаза, - отозвался Хоанг. - Я уверен, что мы станем хорошими друзьями.

- Я тоже уверен в этом! - воскликнул Уоррел.

Вскоре скованность первых минут, которую невольно испытывали все присутствующие, прошла. Уоррел перешел на вьетнамский язык и с довольно-таки сносным произношением посвящал Франсуазу в тайны вьетнамской лаковой живописи, временами торжественно поглядывая на Хоанга. Он старался не упускать возможности блеснуть своими знаниями о Вьетнаме, особенно когда его собеседниками оказывались вьетнамцы.

Закончив свой монолог, время от времени прерывавшийся восторженными восклицаниями Франсуазы, Уоррел повернулся к Хоангу.

- Я нигде не допустил ошибки, господин Хоанг? - спросил он тоном, не предполагающим отрицательного ответа.

- Нет, - улыбнулся тот. - Я хорошо знаком с лаковой живописью и должен сделать вам комплимент: даже не многие вьетнамцы знают так подробно технологию создания лаковых картин. С такой осведомленностью иностранца я сталкиваюсь впервые. Я, разумеется, не имею в виду художников.

Франсуаза подняла свою рюмку:

- Давайте выпьем за то, чтобы наконец закончилась эта проклятая война!

- Поддерживаю! - воскликнул Уоррел. - Пусть на вашей земле установится мир. Я породнился с Вьетнамом давно и всегда очень остро переживал его трагедию. Пью за то, чтобы вы все были счастливы!

Большие напольные часы в углу пробили восемь, и Лан вздрогнула. Она смутно представляла себе, как пишутся картины на лаке, и, увлекшись рассказом Уоррела, не заметила, как прошло время.

- Ой! - воскликнула она. - Я же забыла поставить в воду цветы, которые нам сегодня принесли.

- О чем ты только думаешь? - укоризненно покачала головой Франсуаза. -
Пойдешь на кухню - загляни в сковороду, где тушится мясо.

Лан вышла из комнаты. Быстро спустившись вниз, она тихо открыла защелку замка, чтобы ребятам не пришлось стучать. Потом отошла в кухню, прислушиваясь. Прошло минут семь, прежде чем за дверь послышались легкие шаги. Лан вернулась в прихожую, приоткрыла дверь.

В дом бесшумно вошли два худощавых паренька. Лан приложила палец к губам и выразительно посмотрела наверх, откуда доносилась музыка.

- Давай быстрее, - тихо произнес один из парней, показывая на часы.

Лан кивнула и вытащила из ящика под вешалкой сумку.

- Нгок, нужно бы проверить их, - сказал другой парень, - а то в темноте некогда будет возиться.

- Сейчас посмотрим, - отозвался Нгок.

Он положил сумку на пол, осторожно извлек из неё взрывное устройство и протянул напарнику. Но тот вдруг весь подобрался и сжал губы, глядя поверх головы Лан. Девушка резко обернулась. В дверях, за которыми начиналась лестница на второй этаж, стоял Хоанг. "Все пропало! - пронеслось в голове Лан. - Он выдаст нас!"

Она растерянно посмотрела на Нгока. Тот выхватил пистолет и направил его на Хоанга.

- Советую не поднимать шума, - сквозь сжатые зубы процедил он.

В этот момент наверху послышались шаги, и раздался баритон Уоррела:

- Лан, я иду за тобой, чтобы пригласить тебя на танец. Где ты?

- Не спускайтесь сюда! Мы с Лан готовим вам сюрприз! - крикнул Хоанг Уоррелу и плотно прикрыл дверь на лестницу.

- Ждем! - хохотнул тот.

Хоанг повернулся к Лан и парням. Нгок, видимо растерявшись, продолжал стоять как вкопанный с пистолетом в руке. Лан смотрела на Хоанга с нескрываемой ненавистью.

- Что вы медлите? - тихо сказал Хоанг парням. - Ждете, пока он спустится сюда?

Губы Лан дрогнули, на лице появилось недоумение. Нгок быстро убрал пистолет, а его напарник сунул взрывное устройство обратно в сумку. И тут раздался резкий стук во входную дверь и голос на улице громко произнес: "Откройте, полиция!" Парни затравленно посмотрели на Хоанга, Лан испуганно прижала ладони к щекам.

Хоанг обвел глазами прихожую в поисках какого-нибудь убежища. Лан поняла его и молча показала парням рукой на дверь рядом с кухней, где была кладовка. Они скрылись там.

- Смейся, - прошептал Хоанг девушке, показывая рукой, что нужно открыть входную дверь.

Лан непонимающе нахмурилась.

- Смейся, черт возьми! - прошипел Хоанг. - У нас же праздник!

Лан наконец взяла себя в руки. Звонко засмеявшись, она подскочила к двери и отперла её. На пороге появились трое полицейских. Голос сзади, из темноты, произнес: "Либо здесь, либо в соседнем особняке. Деваться им некуда. Я выследил их".

- В чем дело? - стараясь казаться невозмутимой, спросила Лан.

Один из полицейских в форме сержанта грубо оттолкнул её рукой и, не оборачиваясь, бросил остальным:

- Обыскать дом.

- Но по какому праву вы врываетесь... - начала Лан.

- Тебе объяснить наши права сейчас или немного позже, полукровка? Или ты думаешь, что если твоя мать спит с американцами, мы обязаны тебе все докладывать?

И сержант направился прямо к той двери, за которой спрятались Тхань и Нгок. Но путь ему преградил Хоанг.

- Как ты разговариваешь с девушкой, хам! - гневно произнес он и влепил сержанту пощечину.

Остальные полицейские и Лан замерли от неожиданности. Глаза сержанта налились кровью. Видимо, такого по отношению к нему ещё никто себе не позволял. Грязно выругавшись, он схватился за кобуру револьвера, но Хоанг коротким ударом в челюсть свалил его с ног.

- Виен! - закричала Лан.

На лестнице послышался топот, и в прихожую вбежали Виен и Уоррел. Сзади показалась испуганная Франсуаза.

Сержант сидел на полу и тряс головой. Его подчиненные, увидев американца, растерялись. Лан, у которой от обиды и перенесенного напряжения брызнули из глаз слезы, бросилась к матери.

- Что вам здесь нужно? - резко спросил Виен у полицейских.

- Мы... мы... - начал один из них.

- Отвечайте, как следует, когда вас спрашивает офицер безопасности, черт возьми!

- Прошу прощения, господин офицер. Наш человек выследил двух вьетконговцев. Они скрылись где-то в этих домах.

Сержант наконец пришел в себя.

- Убью, сволочь! - прохрипел он. - Ударить полицейского! Вьетконговец!

Расстреляю!

Он снова потянулся к кобуре, но увидел Уоррела.

- Прошу прощения, - пробормотал он, - мы...

- Встать! - рявкнул Виен.

Сержант начал поспешно подниматься с пола. Один из полицейских бросился ему помочь и что-то прошептал на ухо, показывая глазами на Виена.

- Прошу прощения, господин офицер, - совсем растерялся сержант.

- Что здесь произошло, господин Хоанг? - спросил Уоррел.

- Этот мерзавец оскорбил Лан, - спокойно ответил Хоанг, - пришлось его немного проучить. Я спустился вниз, хотел предложить Лан устроить маленький новогодний маскарад. В это время раздался стук в дверь. Лан открыла, и ворвались эти люди. Сержант бесцеремонно оттолкнул Лан и приказал своим людям обыскать дом. А когда Лан потребовала объяснений, он позволил себе грязный намек относительно госпожи Франсуазы и... не совсем вьетнамской внешности Лан.

- Мерзавец! - вскричал Виен. - Я тебя научу правилам хорошего тона!

Отделение, фамилия!

- Мы искали вьетконговцев, - попытался оправдаться сержант.

- Уж не думаешь ли ты, что вьетконговец - один из нас? - осведомился

Уоррел.

- Фамилия! - снова произнес Виен угрожающим тоном. - И стоять смирно!

Полицейский вытянул руки по швам:

- Сержант Тхук. Отделение четвертого квартала Первого района. - И жалобно добавил: - Господин офицер, прошу прощ...

- Молчать! - не дал ему договорить Виен. - Завтра ты у меня узнаешь! А

теперь - вон отсюда!

- Слушаюсь, господин офицер.

Сержант попятился к двери, бормоча извинения. Остальные полицейские тоже стали бочком подбираться к выходу.

- Вы вели себя, как настоящий джентльмен, господин Хоанг, - высокопарно произнес Уоррел, когда за полицейскими закрылась входная дверь. - Позвольте поблагодарить вас за то, что вы защитили мою дочь.

- Пустяки, - ответил Хоанг. - Просто я не терплю хамства вообще, а по отношению к женщинам - вдвойне.

- Вы - герой, господин Хоанг, - зашебетала Франсуаза. - Так смело поступить с вооруженным полицейским. Он же мог вас убить. Меня до сих пор дрожь пронимает.

- Неплохо ты ему врезал, отец, - Виен смотрел на Хоанга с неподдельным восхищением. - Вот уж никогда не подумал бы, что у торговца может быть такой удар.

Лан вдруг подбежала к нему и поцеловала в щеку. В её взгляде сквозила признательность.

- Спасибо вам, господин Хоанг. Вы... вы... Спасибо.

У Хоанга потеплело на сердце. "Нас здесь двое, - подумал он, - а Уоррел - один. И мы ещё поборемся за Виена".

- В следующий раз, Стоут, утоляйте свою жажду после деловых разговоров, - раздраженно произнес Уоррел, безошибочно определив по глазам своего подчиненного, что тот уже успел побывать в баре.

- О! Даже десять стаканов виски не помешают мне сохранить ясность мысли, -

развязно отозвался Стоут. - Здесь тропики, мистер Уоррел. А в тропиках постоянно хочется пить. Виски с содовой - тропический напиток. Он помогает нам выжить в этом микробообильном климате.

Уоррел решил больше не связываться со Стоутом по поводу его постоянного пьянства. Сегодня утром пришла телеграмма от Митчелла. Новый помощник для Уоррела подготовлен и прилетает на этой неделе. Стоут может быть откомандирован в любое время по усмотрению полковника.

- Не нужно мне рассказывать, что такое тропики. Вам удалось узнать что-нибудь о Фам Тху?

- Есть кое-какие сведения, - самодовольно сообщил Стоут, - и притом весьма любопытные.

- Интересно было бы узнать, - Уоррел скрестил на груди руки и изобразил на лице заинтересованность, давая понять Стоуту, что не очень надеется услышать от него сенсационную информацию.

- В течение двух последних лет она значилась в картотеке майора Туана в качестве его агента под номером К-23.

- Недурно, Стоут, - оживился Уоррел. - Когда вы хотите, вы можете создать о себе неплохое впечатление. Жаль, что такое желание появляется у вас крайне редко.

Стоут артистически раскланялся.

- Перестаньте паясничать, - недовольно поморщился Уоррел и помассировал шею у затылка: видимо, ночью он застудил это место под струей холодного воздуха из кондиционера и теперь с трудом мог поворачивать головой. - Так, так. Значит, Фам Тху была двойным агентом...

- Судя по тому, что Рекс не в руках Туана, она работала на майора лишь по совместительству, - сквозь зевоту заметил Стоут, - а основную зарплату получала у чарли*.

* Презрительная кличка, которую американцы дали южновьетнамским патриотам.

- Вьетконговцы сделали неплохую "крышу" своему агенту, - сказал Уоррел. - А какую роль она играла у Туана?

- Ту же, что и у вьетконговцев. Хозяйка явочной квартиры. В её особняке Туан встречался со своими осведомителями.

- Прекрасно! - захохотал Уоррел. - Прекрасно! И этот идиот пытался уверить меня, что Рекс окажется в его руках в ближайшее время. Значит, теперь Рекс наверняка перешел на запасную явку.

- Есть ещё один пикантный момент в биографии Фам Тху, - сказал Стоут.

- То, что она мать Виена? Знаю.

- Когда же вы успели? - разочарованно спросил Стоут, рассчитывавший паразитить шефа своей новостью.

- Я вам больше скажу, Стоут. Вчера я познакомился с его отцом.

- Но вы же говорили, что у него нет отца.

- Виен и сам ничего не знал о нем. Они встретились совсем недавно на могиле Фам Тху. И кто, вы думаете, оказался его отцом? Хоанг. Тот самый Хоанг, который приехал из Хюэ для восстановления связи с Рексом. Вчера я сидел с ним за одним столом у очаровательной, в прошлом разумеется, Франсуазы Бинь. Джейк настолько точно дал приметы Хоанга, что я моментально узнал его. Ну! Что вы на это скажете?

- Фюить, - присвистнул Стоут. - Недурно.

Он зевнул и спросил:

- А вы не боитесь, что папаша попытается переманить сынка на свою сторону? На этот раз самодовольная ухмылка появилась на лице Уоррела:

- Исключено. Я пять лет занимался Виеном. И то, что я ему внушил, не вытравить никакой силой. Если кто-то становится моим человеком, то это навсегда.

Уоррел не рисовался - он искренне в это верил. То, что он начал в Штатах опекать Виена, было чистой случайностью. На месте Виена с таким же успехом мог оказаться кто-то другой. Уоррел никогда не был филантропом. Но он учился у Лэнсдейла, а это кое-что значило.

По его глубокому убеждению, Соединенные Штаты смогут удерживать Южный Вьетнам, только если будут иметь там своих людей. И Уоррел никогда не жалел ни сил, ни времени на то, чтобы иметь своих людей. Особенно его привлекала

молодежь. Уоррел считал, что именно на молодежь, приезжающую учиться в Америку, нужно делать ставку. Власть в Южном Вьетнаме со временем нужно отдавать в руки таких парней, как Виен, - энергичных, способных, твердых, а главное, впитавших американский образ жизни, считающих американскую действительность достойной подражания. Именно их руками нужно будет "делать политику" в этой стране. И своим коллегам Уоррел всегда советовал окружить заботой и вниманием минимум одного-двух аборигенов в академии, чтобы сделать из них "туземный вариант стопроцентного американца". И потом, любил говорить Уоррел, их нужно вести за руку по их служебной лестнице до такой высоты, пока они не начнут оправдывать затраченные на них время, силы и средства.

- Вам удалось что-нибудь узнать по поводу убийства Фам Тху? - снова обратился он к Стоуту, опухшие веки которого с короткими белесыми ресницами постепенно тяжелели от выпитого сегодня спиртного.

Белесые ресницы Стоута дрогнули. Он сделал над собой усилие, приподняв веки:

- Пока ничего интересного. Как вы помните, Джейк сказал, что коммунисты теряются в догадках. Майор Туан тоже ломает голову над этим убийством.

- Ну, хорошо. Будем ждать вестей от Джейка. Послушайте, Стоут, а вы уверены, что Джейк... не финтит?

- С чего вы взяли?

- Мне не нравятся обстоятельства гибели Уайта. Судите сами: Джейк вызывает Уайта на встречу, причем на внеочередную встречу, а на следующий день Уайта находят мертвым.

- Но Джейк сказал, что в тот вечер не видел Уайта, - возразил Стоут.

- Сказать можно все что угодно. Не нравится мне это.

- Джейк - человек проверенный, - не сдавался Стоут.

- Да, я знаю, - Уоррел поднялся с кресла и подошел к сейфу, вынимая ключи.

- Но обстоятельствами гибели Уайта я ещё займусь.

- Откуда у вас эта штучка? - спросил Стоут.

- Какая? - не понял Уоррел.

- Брелок.

Стоут глазами указал на миниатюрную серебряную зажигалку в виде фигурки сидящего на постаменте Будды, прикрепленную к ключам Уоррела.

- Ах, это! Мне подарил её майор Туан. Вернее, я сам выпросил у него зажигалку. Жена страшно любит такие вещички. Тончайшая работа. А что?

- На ней случайно не выгравированы инициалы "С. У."?

- Угадали, Стоут. Ну и что из этого следует?

- А то, что инициалы "С. У." означают "Стив Уайт". Эта зажигалка принадлежала вашему предшественнику.

- Вы хотите сказать, что я должен вернуть её родственникам Уайта? - насмешливо прищурился Уоррел.

- Не в этом дело. За день до своей гибели Уайт искал её и вспомнил, что на последней встрече с Джейком дал ему, чтобы прикурить, и забыл взять назад.

- Вот как? - Уоррел удивленно вскинул брови и нахмурился, припоминая что-то. - Послушайте-ка, Туан сказал, что зажигалку якобы обронил какой-то вьетконговец, который убил его агента. Черт возьми, а ведь агентов Туана убивают не каждый день!

Он быстро подошел к телефону и набрал номер отдела безопасности "Феникса":

- Алло, господин Туан? Здесь Уоррел. Да, да, спасибо. Надеюсь, что и вы себя чувствуете прекрасно? Рад, рад. Послушайте, майор, помните, вы подарили мне зажигалку? Да. Вы сказали, что нашли её на месте убийства вашего агента. Вы уверены, что она принадлежала убийце? Больше некому? А имя агента, которого убили, - Фам Тху? Угадал, да? Что? Расскажу при встрече. Да так, кое-что. Нет, нет. Благодарю вас. Всего хорошего.

Уоррел положил трубку и выразительно посмотрел на Стоута:

- Что вы на это скажете? Джейк убил Фам Тху вместо того, чтобы выследить Рекса, который приходил к ней на встречи. А нам заявил, что не знает никаких подробностей её убийства.

- Вызвать его на встречу? - спросил Стоут.

- Не стоит торопиться. Я встречаюсь с ним в следующую среду. Зачем его настораживать? Через пять дней и поговорим.

Уоррел вдруг с досадой щелкнул пальцами:

- А если Джейк действительно работает на коммунистов, нам не подобраться к

Рексу. Черт возьми! Впрочем... Не попытается ли папаша переманить Виена на свою сторону - спросили вы? - Уоррел скосил глаза, потом ударил себя по коленке: - Послушайте, Стоут, у меня возникла недурная мыслишка...

- Я понял, - перебил шефа Стоут. - Хоанг "вербует", так сказать, своего сына и поддерживает через него связь с Рексом.

- Именно. Как вам нравится такой вариант? На случай, если с Джейком получится "прокол".

- Неплохо. Если вы полностью уверены в своем любимчике... Все-таки речь идет о его отце. А на востоке почитание родите...

- Я никогда ничего не делаю без гарантий, Стоут. Я двадцать лет занимаюсь Вьетнамом, и "запретный город" вьетнамского характера, - Уоррел с удовольствием ввернул любимый афоризм своего учителя, - давно уже перестал быть для меня загадкой. Я недаром устроил Виена работать в "Феникс". Свои люди у нас должны быть везде. Правда, я не предполагал, что он пригодится мне так скоро и в качестве агента.

Уоррел поднялся с кресла и весело потер руки:

- Ужасно люблю психологические поединки. А это будет именно психологический поединок между мной и Хоангом. А если смотреть шире, между нами и красными. Маленький эпизод из большой идеологической войны. Ставка - Виен. Вы правы: папаша наверняка попытается его обработать. Вот мы и посмотрим, кто сильнее. В выигрыше я не сомневаюсь. И эта небольшая победа ещё раз подтвердит правильность теории Лэнсдейла: не грубая военная сила решает исход нашей борьбы с коммунистами, а умение завоевать сердца и умы людей.

- Мне кажется, мистер Уоррел, вы несколько переоцениваете роль психологической обработки этих аборигенов, - заметил Стоут. - Им нужно приказывать, а не играть в демократию. Азиаты просто не поймут вас, если вы начнете либеральничать.

"Увы, в нашей политике наступила другая эпоха, - с горечью подумал Уоррел, с отвращением глядя на ухмыляющуюся отечную физиономию своего подчиненного. - Эпоха стоутов. А с ними мы проиграем".

- Кстати, я забыл вам сказать, Стоут, - сухо произнес он. - Сегодня утром пришла телеграмма от Митчелла. Он вызывает вас в Вашингтон.

- Вот как! - криво усмехнулся Стоут. - Значит, я вас не устраиваю. А я, как последний идиот, стараюсь что-то вынюхивать, строю сейчас различные предположения в надежде, что и меня не забудут, когда мы заметем Рекса. Почти довел дело до конца... Мавр сделал свое дело, мавру не нужны лавры.

- Не будем обсуждать приказы начальства, Стоут. Вы можете лететь в Вашингтон в любой удобный для вас день.

Стоут заказал в баре порцию виски, потом ещё две и почувствовал себя в форме. Пошатаваясь, он подошел к телефону и набрал нужный номер.

- Хэлло, Кхай, крошка! Здесь Фрэнк, - икнув, проговорил он, когда на другом конце провода ответили. - Я сейчас приеду. Нет, именно сейчас. Мы обязательно должны встретиться, потому что теперь долго не увидимся. Что? Приеду - объясню.

Бросив трубку на рычаги, он направился к выходу.

Бедрa Кхай плотно обтягивали голубые джинсы. В большом вырезе белой, с цветной вышивкой блузки красовался золотой медальон на массивной цепочке.

- Хэлло, крошка, - входя в дверь, Стоут потрепал её по щеке.

- Хэлло, Фрэнк, - игриво ответила Кхай и, надув накрашенные перламутрово-розовой помадой губки, капризно добавила: - Ты так поздно сегодня. Мог бы и пораньше закончить свои дела. Мы в последнее время очень редко видимся...

- Мы будем видаться ещё реже, - сказал Стоут. - Завтра я уезжаю в Штаты. Слишком далеко ездить. Да и накладно. Не представляю, как перенесу разлуку с тобой. Придется искать утешение в объятиях какой-нибудь красотицы из штата Оклахома. Я сто лет не был в штате Оклахома, а ведь там живут мои предки.

- О, Фрэнк! - Кхай изобразила на лице страдание.

- Ты тоже будешь безутешна, дорогая, - в тон ей ответил Стоут. - А хочешь, я оставлю твой адрес человеку, который приедет вместо меня? Он наверняка неплохой парень, и ночью в постели ты не заметишь подмены. Можешь даже называть его Фрэнком - он не обидится. Идет?

- Не надо так зло шутить, Фрэнк. Ты ведь знаешь, что я...

- Что ты спишь с майором Туаном? Конечно, знаю. И выкладываешь ему все, что слышишь от меня.

- Фрэнк, что ты говоришь? Я люблю только тебя.

- Ах, как трогательно! Ты любишь только меня, только майора Туана, только... Сколько их там наберется? Кем ещё интересуется майор Туан?

- О ком ты говоришь? Я не знаю никакого Туана, - нарисованные брови Кхай поднялись на самый верх лба.

- Ладно, - махнул рукой Стоут, - мне, в сущности, наплевать, с кем ты проводишь ночи. Это - твое дело. Ты исправно поставляешь мне героин, который, по-видимому, принадлежит тому же майору Туану, а остальное меня не касается.

- Фрэнк, ты сегодня хватил лишнего, - с оттенком раздражения произнесла Кхай, - мелешь какую-то ерунду.

- Я знаю, что говор-рю, - икнул Стоут. - Откупорь-ка лучше бутылочку виски. Нужно sprysнуть мой отъезд. - Он подтолкнул Кхай к небольшому полированному столику на колесах, стоявшему у дивана. - И пошевеливайся. Мои чувства к тебе растут обратно пропорционально количеству содержимого в бутылке.

Стоут плюхнулся на диван. Кхай налила виски с содовой в стаканы, положила туда лед. Стоут залпом осушил свой стакан и протянул его Кхай.

- Плесни-ка еще. Сегодня мне хочется напиться. Наконец-то мое пребывание в этой идиотской стране подошло к концу. Гип-гип, ура! Завтра я не буду больше видеть обезьяню рожу майора Туана и прочие пры-отивные морды. И меня не будут жрать ваши крокодилы, которых вы почему-то ласково зовете москитами. Настоящие москиты - это... это бабочки по сравнению с вашими птерода-актилями.

Стоут не успел поужинать и быстро хмелел.

- Ну, крошка, ись сюда. Блесни напоследок своим искрометным талантом. Клянусь, я буду помнить тебя всю жизнь!

Он обнял Кхай за талию. Та мягко отстранилась.

- Не спеши, дорогой, - томно произнесла она. - Давай лучше выпьем. За нашу любовь.

- За нашу лю-убовь? - удивленно переспросил Стоут. - Это и-ик-нтересно. Давай выпьем за нашу... как ты говоришь? Любовь? Все-таки мы бесконечно любими друг друга целых четыре месяца. Рекордный срок для меня. Да и для тебя тоже. Ты скрасила мое существование здесь. В вашей дивной стране ужасно трудно найти подходящую партнершу. Твои подружки слишком дешево себя ценят, а это настораживает. Дешевая любовь противоречит моим убеждениям. Я считаю, что настоящее чувство должно хорошо оплачиваться. Иначе - какая же это любовь? А у нас с тобой была любовь - тут ты права. Большая любовь - судя по тем комиссиянным за героин, которые я не жалел для тебя. Замечу, в ущерб себе. Но любовь - превыше всего.

- Кстати, Фрэнк, - заметила Кхай, - за последнюю партию ты ещё не расплатился. Я-то не волнуюсь. Я знаю, что за тобой не пропадет. Но... если ты завтра уезжаешь...

- Не волнуйся, крошка, - ответил Стоут, - все будет в полном порядке. - Он осушил ещё один стакан виски. - Вот теперь я, кажется, созрел для любви. Иди же сюда.

Кхай села на диван и, повернувшись к Стоуту спиной, положила голову ему на колени:

- Раз ты уезжаешь - значит, вы нашли того вьетконговца? - как бы между прочим спросила она.

- Из тебя никогда не получится хороший агент, - захохотал Стоут. - Ты слишком прямолинейно ставишь вопросы. Скажи этой обезьяне Туану, когда будешь спать с ней на дереве, чтобы она тебя уволила. Если я делал вид, что ничего не замечаю, это не значит, что я ничего не знаю. Фрэнк Стоут - разведчик высшего класса. И чтобы расколоть его, нужно иметь здесь, - Стоут постучал пальцем по лбу Кхай, - чуть больше, чем напихано в кокосовый орех, который эта обезьяна Туан по ошибке считает своей головой. Бизнес бизнесом, а дело... Пусть работает сам, а не надеется на нас. Достаточно того, что мы его кормим. Ладно, хватит об этом. Передай обезьяне Туану, что он ещё раз останется в дураках и очень скоро. Скажи ему, что тот вьетконговец у нас на крючке. Пусть позлится. А больше, мол, выудить у Стоута ничего не удалось. Все, крошка. Завтра я сажусь в "Боинг-747", и плевать я хотел на тебя и на твою обезьяну Туана. Так ей и передай.

Стоут попытался поцеловать Кхай, но голова его бессильно упала к ней на плечо.

- А Уоррел дурак, - пробормотал он. - Поменять меня на какого-то мальчишку. Дурак! Он ещё пожалеет. Ох как пожалеет!

Стоут вдруг поднял голову и отодвинул Кхай со своих колен:

- Слушай, в прошлый раз я оставил у тебя в спальне ключи от машины, и мне пришлось кататься на "тойоте" Уоррела. Кажется, это ему не очень понравилось. Пока не забыл, нужно их взять.

Он поднялся с дивана и направился к дверям спальни. Кхай проворно соскочила следом и преградила ему путь:

- Фрэнк, подожди. Понимаешь, у меня в спальне не убрано. Я сама вынесу ключи.

Взяв Стоута за руку, она потянула его назад, к дивану.

- Что-то я раньше не замечал за тобой такой стыдливости, - ответил Стоут, вырываясь. - Может, ты прячешь там очередного любовника? Не волнуйся - я не ревнив. Мы выпьем с ним по стаканчику виски и мирно обсудим твои достоинства и недостатки. А ты будешь наглядным пособием.

Он снова двинулся к спальне.

- Фрэнк, прошу тебя, - Кхай обхватила его за плечи. - Что ты выдумываешь - нет там никаких любовников. Ну как ты не понимаешь? Я женщина, и... бывают вещи, которые не полагается знать даже мужьям.

- Мужьям, может, и не полагается, - согласился Стоут, - а любовники - другое дело. Слушай, - он хлопнул себя по коленке, - а может, там эта обезьяна Туан? Нет уж, я желаю знать, почему тебе так не хочется пустить меня в спальню. Прочь с дороги, тварь!

Стоут отшвырнул Кхай к дивану. В этот момент дверь спальни открылась, и на пороге появился майор Туан.

- О, какая встреча! - театрально раскинул руки Стоут. - Я безмерно счастлив видеть вас, майор. Кстати, я не сомневался, что эта мерзавка работает на вас. Мы только что говорили о вас, и я искренне восхищался вашими способностями. Знакомство с таким незаурядным человеком, как вы, льстит моему самолюбию.

- Я слышал ваши комплименты в мой адрес, - с бесцветной улыбкой ответил Туан.

- Ах, вот как? - усмехнулся Стоут. - Это я любя. Кстати, майор, я завтра улетаю. Давайте выпьем по этому поводу.

Он подошел к столику, наполнил стаканы и протянул один из них Туану:

- Прошу вас, майор. Когда я уеду, ради бога, не ругайте крошку Кхай за то, что она приносила от меня слишком мало информации. Из Фрэнка Стоута трудно выудить что-либо, если дело касается серьезных вещей. И она слишком глупа для этого. Короче говоря, за мой отъезд.

Туан отстранил протянутый Стоутом стакан:

- Благодарю вас, господин Стоут. Я не пью спиртного. Давайте лучше напоследок поговорим о делах.

На лице майора по-прежнему играла неопределенная улыбка, которую можно было истолковать в равной степени как доброжелательную и не предвещающую ничего хорошего.

- О де-е-лах? - снова икнул Стоут. - Извольте. Вы, конечно, имеете в виду те дела, которые приводят нас обоих к крошке Кхай? - Он заговорщически подмигнул майору. - От Фрэнка Стоута трудно что-либо скрыть. Вы прекрасный компаньон, майор. В Америке мне будет сильно не хватать вас, ей-богу. Вас, конечно, интересуют деньги за последнюю партию товара. Право, я сейчас несколько стеснен в средствах. Но я расплачусь, майор. Слово Фрэнка Стоута.

Майор повернулся к Кхай и кивком головы указал ей на дверь. Та вышла из комнаты.

- Меня интересует, насколько далеко удалось Уоррелу продвинуться в своих поисках, - сказал Туан, снова повернувшись к Стоуту. - Вы передадите мне всю информацию, которую имеете, и тем самым частично покроете ваш долг мне. Майор Туан умеет благодарить за услуги. Считайте, что я ничего не слышал, находясь в спальне.

- Ах, вот вы о чем! Фрэнк Стоут не продается! - в пьяной запальчивости выкрикнул Стоут, выпятив нижнюю губу и размахивая своим огромным пальцем перед носом Туана. Он ещё раз громко икнул и спросил: - А кстати, сколько вы дадите?

- Все будет зависеть от количества и качества информации, - осклабился

Туан.

- Предположим, я назову вам имя вьетконговца, который специально приехал в Сайгон для восстановления связи с агентом коммунистов в вашей конторе. Скажу, где найти его, как взять за горло. Сколько будут стоить такие сведения?

- Не густо, - заметил Туан. - Пожалуй, пару тысяч долларов я дал бы. А вы мне должны десять. Значит, с вас ещё восемь тысяч.

- Издеваетесь, майор? - ухмыльнулся Стоут.

- Ничуть. Если бы вы назвали мне имя человека, которого я ищу, тогда - другое дело. А так - мне придется все раскручивать самому. Согласитесь, что вьетконговец, которого вы хотите мне продать, - небольшое приобретение. Иначе Рекс уже был бы в ваших руках.

- О! Вам знакома кличка Рекс? Мои комплименты, майор. - Стоут развалился на диване и закурил сигарету. - В общем-то, вы правы: сама по себе информация не очень... Но все зависит, с какой стороны её рассматривать.

- С какой же стороны рассматриваете её вы? - поинтересовался Туан.

- У вас ведь вообще нет никакой зацепки. А я даю вам в руки ниточку.

Ухватившись за неё и приложив определенные усилия, вы не только сможете обскákat Уоррела. На карту поставлено ваше будущее, майор. Если Уоррел заметет Рекса раньше вас... Вы прекрасно понимаете, чем это вам грозит. Не расценят ли ваше бездействие как проявление симпатий к коммунистам? И не обвинят ли вас в том, что вы покрываете их? Вспомнят старое - тогда вы ведь тоже проявили недопустимую халатность. Не усмотрит ли кто-нибудь в этом определенную закономерность?

Туан выслушал Стоута с полным безразличием на лице и коротко бросил:

- Три тысячи.

Тот отрицательно помотал головой.

- Считайте, майор, что сделка не состоялась. Вы слишком дешево цените собственное благополучие.

- Сколько же вы хотите?

- Десять тысяч.

Улыбка сошла с лица Туана, на щеках задвигались желваки.

- Исключено, господин Стоут. Моя последняя цена - четыре тысячи долларов и, как говорят у вас в Америке, ни цента больше. .

- Пф! - Стоут изобразил на лице презрительную мину. - Не хотите - не надо. Я не навязывался вам со своим товаром. Вы пришли за ним сами. К тому же, майор, вы легко возместите потери. Ваша должность - удобное место для торговли героином. В ваших интересах не потерять её.

- В ваших интересах, господин Стоут, согласиться на мое предложение, - вежливо произнес Туан.

- Что?! - вскричал тот. - В моих интересах? Я что-то не улавливаю скрытого смысла в ваших словах. Вы, кажется, угрожаете мне? Мне, американцу? Белому человеку?

- Не стоит нам портить отношения, - попытался утихомирить Стоута Туан.

Но Стоут уже не слышал его. Он находился в той стадии опьянения, когда людей, склонных к скандалам и дебоширству, невозможно остановить.

- Ха-ха-ха! Он угрожает мне, Фрэнку Стоуту! Да как ты смеешь? Мартышка!

Глаза Туана стали совсем узкими, как щелочки.

- Я предупреждал вас, господин Стоут, - бесцветным голосом произнес он. - Мы могли разойтись по-хорошему. Но я не прощаю оскорблений.

- Что?! Ты... Да я...

Туан поднял руку и щелкнул пальцами над своим плечом. Из спальни выскочили трое мужчин и бросились на Стоута. Стоут был изрядно пьян, однако среагировал быстро: многолетняя выучка дала себя знать. Он резко выбросил массивный кулак, ударив одного из нападавших в лицо. Но подняться с дивана не успел. Другой нападавший ребром ладони нанес Стоуту скользящий удар под ребра, и тот согнулся пополам от боли. Ему молниеносно скрутили за спиной руки и надели наручники. Стоут свалился с дивана и зарычал, катаясь по полу. После нескольких минут борьбы подчиненным Туана удалось накинуть ему на ноги веревку и крепко стянуть.

- Ты ответишь за это, сволочь! - прохрипел он, с ненавистью глядя на Туана. - Напасть на американца! Да Уоррел завтра не оставит от тебя даже мокрого места!

- Я предупреждал, господин Стоут, - ответил Туан. - Что же касается полковника, то вы зря рассчитываете на его помощь. Для этого полковнику нужно как минимум знать, где вы находитесь. А мало ли несчастных случаев происходит

ежедневно в таком большом городе? На вас могли напасть вьетконговцы... Скорее всего, Уоррелу так и доложат.

Он повернулся к своим людям и коротко приказал:

- Ко мне на виллу.

Приехав домой, Туан сначала принял душ, а потом спустился в подвал. Связанный Стоут лежал на полу с кляпом во рту. Майор посмотрел на американца, и на его лице заиграла злорадная усмешка. Сегодня он потешится вволю. Вряд ли такой случай представится ещё когда-нибудь - хоть ненадолго сознавать, что один из этих заносчивых янки находится в его власти, что он, а не они, хозяин положения, что он имеет право позволить себе разговаривать с американцем свысока.

Майор отыграется за все на этом спесивом хвастуне. И за то, что американцы обошли его в шестьдесят девятом году, и за то, что они пытаются оставить его в дураках теперь, и за то, что он вынужден постоянно лебезить и заискивать перед ними.

- Для начала - "ихтиандр", - сказал Туан своим подчиненным, которые стояли около Стоута.

Те подняли американца с пола и потащили к огромной бочке с водой. Они затолкали Стоута в бочку до подбородка и привязали специально прикрепленными к её стенкам ремнями. Затем двое из них взяли резиновые дубинки и принялись мерно колотить по бочке. Через минуту сквозь кляп начало прорываться мычание Стоута.

Внешне эта экзекуция выглядела намного безобиднее других пыток, но майор часто отдавал предпочтение ей. После "ихтиандра" на теле узников не оставалось никаких следов, но они испытывали адскую боль в печени и почках. У сердечников нередко наступал инфаркт.

Под аккомпанемент стонов, доносившихся из бочки, Туан размышлял о том, какое это наслаждение - причинять людям физическую боль и наблюдать, как боль превращает их в животных. Правда, Туану нередко приходилось сталкиваться с людьми, перед которыми он оказывался бессилён. Но майор считал это патологией.

- Достаточно, - махнул рукой Туан минут через десять.

Стоута вытащили из бочки. Американец еле держался на ногах, голова его безжизненно свисала с плеч. Туан посмотрел на часы. Время ещё есть, и он успеет насладиться видом этого морально раздавленного янки, услышать от него раболепствующий лепет, мольбу о пощаде.

- Это только начало, господин Стоут, - с вежливой улыбкой произнес майор, когда американца привели в чувство и к нему вернулась способность соображать. - Сейчас вас привяжут к стулу, а сверху подвешат сосуд с холодной водой, и капли будут падать вам на голову. Вы, вероятно, слышали, что через несколько часов каждая капля будет напоминать удар молота. А потом в нашей программе - иглы под ногтями. Не очень приятная процедура. Кстати, мы значительно усовершенствовали этот метод. На каждой иголке - тончайшая резьба, а с другой стороны прикреплено куриное перо. Вентилятор раскручивает перо, и иголка входит под ноготь сама. Это ещё не все. Затем вам приклеят веки пластырем, чтобы вы не смогли закрыть глаза. Их зальют яичным белком. Сверху посадят двух больших пауков, которые ужасно любят яичный белок. Они настолько увлекаются пиршеством, что не замечают, как начинают выедать зрачки.

Майор щелкнул пальцами, и к самому лицу Стоута поднесли стеклянную банку, в которой копошились несколько пауков. Каждый - величиной с кофейное блюдце.

Стоут захрипел, его глаза были полны ужаса.

- Ну, а потом, - продолжал Туан, - потом, как я уже говорил, Уоррелу доложат, что вас убили вьетконговцы. Представляете, какой шум поднимет пресса по поводу их жестокости? Вы станете героем Америки, господин Стоут. Да и здесь отслужат пышный молебен в память о павшем борце за свободу Южного Вьетнама. Вы, кажется, хотите что-то сказать?

Туан приказал вынуть кляп изо рта Стоута.

- Господин майор, прошу вас, не убивайте меня! Не убивайте! Я вам все расскажу! Все, что знаю, - выпалил тот на одном дыхании.

- Я в этом не сомневался, - усмехнулся Туан.

- Вы не убьете меня? Обещайте! Не убьете?

Голос Стоута дрожал. Хмель улетучился, и огромный американец, выглядевший час назад наглым и самоуверенным, теперь был жалок.

- Я ещё не решил, - зевнув, ответил майор.

- Я вам все расскажу. Я на коленях буду просить у вас прощения за... за свои

слова. Только молю вас, не убивайте меня. И прикажите убрать э-это...

Стоут покосился на банку с пауками, и по его телу пробежала судорога.

Туан махнул рукой, и пауков унесли.

- Я слушаю вас, господин Стоут.

- Его зовут Хоанг. Ле Хоанг. Он приехал из Хюэ, чтобы восстановить связь с Рексом.

- Как его найти?

- Очень просто. Он - отец Ву Ван Виена, который работает у вас.

- Отец Ву Ван Виена - вьетконговец? - удивленно переспросил Туан.

- Да. Они случайно встретились на могиле Фам Тху.

- Это я знаю.

- Она - мать Виена.

- Тоже известно.

- Она работала на коммунистов, - продолжал быстро говорить Стоут. - Это мы выяснили.

- Что? - вскричал Туан. - Не может быть!

- Это так, господин майор. Она и была связной человека, за которым вы охотитесь.

Туан быстро взял себя в руки. Потом, потом он даст волю эмоциям. Когда возьмет Хоанга. Тому придется вынести двойную нагрузку - за себя и за свою жену.

- А лейтенант? - спросил он у Стоута.

- Он ничего не знает. Отца считает бизнесменом, мать - владелицей ресторана.

- Та-ак, - протянул майор. - А почему Уоррел спрашивал про зажигалку, которую я ему подарил?

- Дело в том, что зажигалка принадлежала Уайту и случайно оказалась у Джейка - нашего агента у вьетконговцев. Уоррел теряется в догадках - ему кажется, что Джейк водит его за нос. Непонятно, почему он убил Фам Тху. Уоррел намерен подключить Виена. Он хочет, чтобы Виен узнал у папаши, кто такой Рекс.

- Вот как! А что вы решили делать с Джейком? .

- Не знаю. В среду Уоррел должен с ним встретиться.

- Где?

- В Шолоне. Улица Вечности, 15, в восемь вечера. Там у нас явочная квартира. Господин Туан, я вам рассказал все, что знал. Умоляю вас, - по лицу Стоута потекли слезы, - выпустите меня отсюда. Завтра утром я улечу и... Я буду нем как рыба...

Туан блаженствовал. Наконец-то! Наконец-то американец подобострастно разговаривает с ним.

- Деньги, - коротко бросил он.

- Я отдам, господин майор. Мы сейчас поедем ко мне, и я верну свой долг.

- Нет, господин Стоут, - с вежливой улыбкой возразил Туан. - Вам придется подождать здесь. А за деньгами я съезжу сам.

Майор забрал у Стоута ключи и поднялся наверх.

- Накачайте его спиртным, - сказал он своим подчиненным, - и вышвырните где-нибудь в городе. А впрочем... к чему лишний риск? Берите его - поедем вместе. Там его и оставим. Ограбление с убийством - так будет надежнее.

Туан уже целый час ходил из угла в угол своего кабинета. Такого приступа бессильной ярости он ещё никогда не испытывал. Фам Тху два года водила его за нос, вьетконговский агент в управлении до сих пор не раскрыт, отец сотрудника отдела безопасности - вьетконговец, американцы снова вот-вот поставят ему подножку. Ведь если они первыми доберутся до Рекса, если обо всем, что произошло за последний месяц, узнает начальство - конец. Ему больше не выкарабкаться. Этот подонок Стоут был совершенно прав: Туана обвиняют в симпатиях к коммунистам. А то еще, чего доброго, и самого сочтут вьетконговцем. Черт побери, что же делать? Главное - не дать всплыть истории с Фам Тху. Нужно будет задобрить Уоррела, чтобы он не сболтнул ничего лишнего. Это будет сделать нетрудно. У Туана найдется достаточно денег, чтобы договориться с ним. Но вот как обойти его и взять Рекса? Как? Перехватить у американцев Джейка? А черт, ведь Туан вчера не выяснил у Стоута, как его настоящее имя! Непростительная оплошность! Нервы. Впрочем, раз Уоррел перестал доверять Джейку, то и Туану он не нужен. Уоррел намерен действовать через Виена. Вот где нужно обогнать его! Но, опять же, как?

"Думай, - приказал себе майор, - думай. Твое благополучие, твоя карьера

висят на волоске".

Итак, Фам Тху убита, а запасная явка Рекса провалена. Об аресте запасного связника Туан узнал случайно, когда на стол к нему легла фото пленка, попавшая в руки военной полиции во время одной из облав. Это были документы, переснятые в управлении "Феникс". Следовательно, если коммунисты не предусмотрели ещё один вариант связи с Рексом, то Хоанг пытается сейчас заново установить с ним контакт. Вот здесь ему и должен "помочь" Виен. Но при этом Виен должен иметь на руках хороший козырь, чтобы папаша поверил в его "симпатии" к коммунистам. Подбросить какую-нибудь информацию? Слабовато.

И вдруг ехидные огоньки сверкнули в глазах майора. Джейк! Вот козырь! Виен подарит своему отцу Джейка! Вьетконговцы не могут не поверить человеку, который отдаст в их руки провокатора. Это ничего, что Туан не знает его имени, он знает время и место его встречи с Уоррелом. Для вьетконговцев этого будет достаточно, чтобы засечь Джейка. Шаг, конечно, рискованный. Если кто-нибудь узнает, что майор выдал американского агента в подполье коммунистам... Это смертный приговор. Но другого выхода нет. Без Джейка и без Виена, которого Туан не уступит Уоррелу, шансы американцев в охоте за Рексом практически сведутся к нулю.

Майор довольно потер руки, налил себе из термоса чаю и, отпивая его маленькими глотками, принялся рассуждать дальше. Теперь нужно тщательно продумать сценарий. Уоррел встречается с Джейком послезавтра. Значит Хоанг должен узнать об этом не позднее завтрашнего дня. Времени в обрез. Прежде всего нужно подготовить Виена к его роли. Виен страшно рад, что нашел отца, успел проникнуться к нему симпатией, и теперь необходимо настроить лейтенанта против Хоанга. Когда Виен узнает, что его отец - вьетконговец... Нет, этого мало. А что можно придумать еще? Внушить лейтенанту, что его папаша - воплощение вероломства и коварства. Это он убил Фам Тху, потому что она работала на Туана и потому что она знала, кто такой Хоанг и могла помешать ему завербовать Виена. Так будет надежней.

Туан допил чай и снова стал медленно прогуливаться по кабинету. С лейтенантом все ясно. Нужно идти дальше. А дальше - Виен приходит к отцу и сообщает ему, что в их группу внедрен провокатор и что он встречается в среду... Стоп! Лейтенант - человек излишне эмоциональный и впечатлительный. А если он не сможет сыграть свою роль безупречно? Каким-нибудь образом обнаружит свою антипатию к отцу? Потребуется некоторое время, чтобы Виен остыл, чтобы в нем улеглась ненависть к человеку, который убил его мать. Да и Хоанг не поверит сыну. Лейтенант ненавидит вьетконговцев и наверняка в разговоре с отцом не скрывал своих взглядов. И вдруг такой крутой поворот! Да при первых же словах Виена Хоанг начнет отрицать, что он вьетконговец. Нет, этот вариант не подходит.

А если подбросить Хоангу записку, которую якобы написал Виен? Все будет выглядеть более естественно. Виен узнает у себя на службе, что его отец - вьетконговец, что ему угрожает опасность. И сыновние чувства велят ему предупредить Хоанга. Но он пишет анонимное письмо: ведь он из другого лагеря и не собирается менять свои взгляды. Он просто спасает отца, но не хочет, чтобы отец знал об этом. А Хоангу нужно дать понять, что предупреждение об опасности исходит от сына. Хоанг сообразит, что Виеном руководили не симпатии к коммунистам, а родственные чувства, но наверняка начнет подумывать о том, чтобы перетянуть сына на свою сторону. Тем более что информация о провокаторе подтвердится.

Теперь нужно подумать о том, как передать записку Хоангу. Подбросить в гостиницу? Он не догадается, что это - дело рук Виена. А впрочем... Почему же? Хоангу будет совершенно ясно, что автор записки - не Рекс. Во-первых, Рекс подписал бы её условным именем, известным Хоангу, а во-вторых, зная местонахождение Хоанга, Рекс нашел бы возможность встретиться с ним сам. Значит, остается "неизвестный доброжелатель", который работает в службе безопасности. А первый кандидат в "доброжелатели" - сын.

Туан довольно ухмыльнулся. Сегодня ему явно везло на хорошие идеи. Осталось только написать записку, а это он может сделать и без Виена. Лейтенантом Туан займется завтра.

Хоанг подошел к стойке за ключами.

- Это для вас, господин, - сказал портье, передавая ему вместе с ключами голубой конверт...

Хоанг поблагодарил портье и поднялся в свой номер. Он повертел конверт в

руках, внимательно его разглядывая. В углу типографским способом было отпечатано название фирмы: "Дык Тхань. Изделия из лака". Странно. Хоанг не имел никаких дел с этой фирмой. Разорвав конверт, он вынул сложенный вдвое небольшой листок бумаги и прочитал отпечатанный на машинке текст:

"Господин Хоанг,
Цель вашего приезда в Сайгон известна службе безопасности. Об этом позаботился провокатор, который встречается со своими шефами в ближайшую среду в восемь вечера на улице Вечности, 15".

Хоанг подошел к окну, легонько постукивая себя по носу листком. Желание выспаться, которое он испытывал, возвращаясь в гостиницу, моментально улетучилось. Вот ответ на вопрос, почему убиты Динь и Лан и провалена запасная явка! В группе - провокатор! Не верить записке глупо. В ней все сказано четко и недвусмысленно. На улицу Вечности можно отправляться, не боясь никакой ловушки. Раз охранке все известно о Хоанге, а его не берут, значит, охранке нужен Смелый. Одно странно: почему охранка решила убрать Диня, Лан и запасного связника, вместо того чтобы выследить, от кого идет информация? Ладно, эту загадку Хоанг сейчас не решит. Интересно, кто автор записки? Смелый отпадает - он дал бы знать, что это написал он. "Неужели... Виен!" - удивленно и радостно подумал Хоанг.

Он загасил сигарету и тут же закурил новую. А почему бы и нет? Узнал обо всем, и в нем заговорили сыновние чувства. А почему не пришел сам? Все правильно. Это как раз тот случай, когда легче написать письмо, чем сказать с глазу на глаз. Хоангу очень хотелось, чтобы все было именно так. Пусть Виен не изменил и не скоро изменит свои взгляды, но если написал эту записку он, у Хоанга есть надежда, что когда-нибудь они с сыном станут друзьями.

Хоанг улыбнулся при этой мысли, и лицо его снова стало серьезным. Да, он поедет в среду на улицу Вечности. А после того как провокатор будет ликвидирован, Шон назначит Смелому новое место встречи и вся их группа исчезнет из поля зрения охранки. А со Смелым будет встречаться уже другой человек.

Приняв решение, Хоанг почувствовал, что ужасно хочет спать. Он лег на кровать и мгновенно уснул.

Хоанг приехал к Лан минут на двадцать позже, чем обещал по телефону - такси попало в "пробку" на одной из улиц.

- А я уже решила, что вы передумали, - сказала Лан, впуская его в прихожую.

- Передумал? Хотел бы я видеть мужчину, который сознательно отказался бы от приглашения такой очаровательной особы. Правда, в гости я напросился сам, но уже успел позабыть об этом.

Они прошли в гостиную. Хоанг сел на диван, Лан - в кресло напротив.

- Ну, как ваши дела? - спросил Хоанг улыбаясь.

- В прошлый раз вы обращались ко мне не так официально, - сказала Лан, разливая чай в маленькие фарфоровые чашечки в серебряной оправе.

- Ну, если вы... если ты настаиваешь... Тогда зови меня не господин Хоанг, а дядя Хоанг. Идет?

- Угу, - кивнула головой Лан и, помолчав немного, добавила: - Я хотела ещё раз вас поблагодарить...

Хоанг изобразил на лице недоумение:

- За что?

- Ну, тогда, в новогодний вечер... вы так помогли мне.

- Я? Помог тебе? Что-то не припоминаю, - Хоанг шутливо собрал морщины на лбу. - Нет, не помню.

Лан засмеялась, но тут же снова стала серьезной:

- Спасибо вам, дядя Хоанг.

- Не стоит, - махнул рукой тот и хитро прищурился. - Так я обещал тебе рассказать, как мои дела. Но если... если ты сделаешь мне пару бутербродов, я не стану утомлять тебя скучнейшими подробностями из жизни бизнесмена.

- Ой! - всплеснула руками Лан. - Извините, я не спросила - вы голодны?

- С утра ничего не ел, - признался Хоанг.

- Я сейчас.

Лан выскочила из комнаты. Минут через десять она вернулась, держа в руках

поднос с едой.

- Нет, каков! - сказал Хоанг, накладывая себе в пиалу рис и свинину. - Напросился в гости, потребовал ужин. Представляю, что ты думаешь обо мне.

- Думаю, что вы очень хороший человек.

- А почему ты так думаешь? - спросил Хоанг, усердно опустошая свою пиалу.

- Не знаю. Так мне кажется.

- А что ты думаешь о Виене?

Лан вскинула взгляд на Хоанга и тут же опустила голову:

- Я... я люблю его. Вы - первый, кому я сказала об этом.

Хоанг протянул руку и погладил Лан по голове:

- Спасибо.

- За что? - не поняла Лан.

- За что? - повторил Хоанг. - За то, что ты вселяешь в меня надежду увидеть когда-нибудь сына таким, каким мне хотелось бы его видеть. Ты не смогла бы полюбить плохого человека.

- Но ведь он...

- Знаю, дочка, знаю, - вздохнул Хоанг. - Ему надо помочь. Я много думал о нем. Мне кажется, что ему можно помочь. Помочь разобраться во всем, понять, что главное в жизни. Может быть, тебе это удастся. Не исключено, что через несколько дней я уеду. Не знаю, когда доведется увидеться с Виеном. И я хотел попросить тебя... Не оставляй его.

- Я обещаю вам, дядя Хоанг. Обещаю сделать все, что в моих силах.

- Спасибо, дочка. И ещё одна просьба... Мне нужна твоя помощь в одном очень важном деле.

- Я слушаю.

Хоанг внимательно и оценивающе посмотрел на Лан, словно ещё раз решал для себя, говорить или не говорить ей о главной цели своего прихода.

- В Шолоне, на улице Вечности, 15, - сказал наконец он, - есть явочная квартира ЦРУ. Там американцы встречаются со своим осведомителем, внедренным в одну из подпольных групп Сайгона. Мне нужно ликвидировать провокатора. Я только что оттуда - изучал обстановку. Подждать его на улице - бессмысленно. Ситуация там такая, что я не смогу остаться незамеченным. А мне нужно увидеть его лицо...

- Так вы... тоже?... - глаза Лан радостно заблестели.

- Еще с пятьдесят второго года. Вместе с матерью Виена. Ее ведь тоже звали Лан, - Хоанг грустно улыбнулся, - вас с Виеном тогда ещё и на свете не было... Вот так-то, дочка. В общем, думай, сможешь ли ты помочь мне. Предателя необходимо убрать как можно быстрее - речь идет о жизни многих людей. Я не имел права никого посвящать в свое задание, но... я не успеваю попросить у центра людей.

Лан задумалась:

- Мне нужно поговорить с Нгоком.

- С кем?

- Ну... один из тех двоих... помните?

Хоанг кивнул:

- Хорошо. Но учти: минимум участников. Если случится так, что кому-то на улице Вечности нужно будет заплатить, можете соглашаться на любую сумму.

- Дядя Хоанг, я постараюсь.

- Времени очень мало, - с сожалением прищелкнул языком Хоанг. - Встреча состоится послезавтра вечером.

- Ясно. Как мне найти вас?

- Завтра в час дня у кинотеатра "Иден". Сможешь?

- Да.

- Тогда я, пожалуй, пойду.

Лан проводила Хоанга до дверей.

- Не оставляй Виена, дочка, - сказал он на прощанье, легонько сжав локоть

Лан. - Ну, удачи тебе.

- ...А на параллельной улице вас на всякий случай будет ждать машина, - Нгок закончил излагать свой план и протянул Хоангу ключи.

- В общем, неплохо, - улыбнувшись, закивал головой Хоанг. - А этот парнишка... Ему ведь нельзя будет оставаться больше в доме.

- Он уйдет вместе со мной, - отозвался Нгок. - За нас не волнуйтесь.

- А его семья?

- Он живет один. Так что все в порядке.

Хоанг посмотрел на часы:

- Ну что ж, тогда - вперед.

Поодиночке они вышли из парка и двинулись на улицу Вечности. Минут через пятнадцать все трое уже находились в небольшой комнатухе дома, который располагался по соседству с явкой американцев.

- Все в порядке? - спросил Нгок хозяина - невысокого мужчину лет тридцати, который немного нервно курил сигарету.

Тот молча кивнул. Они простояли несколько минут в полной тишине, Хоанг взглянул на часы и сказал:

- Пора.

Мужчина вывел их в небольшой квадратный дворик и остановился у глухого забора из досок и рифленого железа. Он осторожно отодвинул одну из досок и просунул голову в проем. Потом бесшумно пролез в проем и махнул рукой остальным. Хоанг, Лан и Нгок поочередно последовали за ним и оказались в другом небольшом дворике. Мужчина подкрался к дверям дома и негромко постучал.

- Кто там? - послышался приглушенный и немного испуганный голос.

- Господин Тао, это я - Фьюк, - тихо отозвался мужчина.

- Чего тебе? - голос звучал уже не испуганно, а недовольно. - Сколько раз тебе говорить, чтобы ты не смел заходить в мой двор с этой стороны.

Дверь открылась, и на пороге появился плотный китаец в черных трусах и белой майке. Нгок, который стоял сбоку от дверей, сделал шаг вперед и приставил пистолет к животу китайца.

- Т-сс, - приложил он палец другой руки к губам, увидев, что Тао открыл рот. - Не надо ничего говорить. Мы только посмотрим, что за люди встретились у тебя. Найди какую-нибудь щелочку. Если ты будешь вести себя хорошо, мы обойдемся без стрельбы и твои хозяева ничего не узнают. Все понял?

Тао послушно кивнул. Нгок пропустил его вперед и двинулся следом, держа пистолет у спины китайца. Хоанг и Лан пошли сзади, а Фьюк остался во дворике.

Тао провел их по лестнице на второй этаж, тихо открыл какую-то дверь, и все четверо оказались в совершенно темном помещении. Хоанг слышал около себя напряженное дыхание Лан. Его глаза едва начали различать окружающие предметы, как вдруг темноту прорезала узкая полоска света: Тао снял со стены какую-то тряпку, и там появилась узкая щель.

Свет просачивался из соседней комнаты через рассохшуюся и треснувшую доску двери. Дверью, вероятно, не пользовались, потому что из неё торчали два ржавых гвоздя, которые уходили в косяк. Хоанг осмотрелся. Они находились в заваленном ящиками, старыми корзинами, негодной домашней утварью чулане. Из соседней комнаты слышались приглушенные голоса.

Нгок легонько стукнул пистолетом Тао по руке и показал дулом на дверь. Они вышли из чулана.

Хоанг и Лан прикинули к щели, но тут же отпрянули от нее, изумленно глядя друг на друга. Лан открыла было рот, но Хоанг предостерегающе поднес палец к губам. Оба снова стали смотреть сквозь щель в соседнюю комнату.

По ту сторону дверей стоял Уоррел. У колченогого стола на табурете спиной к Хоангу и Лан сидел человек.

- Слушай, - негромко произнес Уоррел, - ты ведешь двойную игру, и нам все прекрасно известно.

Собеседник Уоррела что-то тихо ответил, но Хоанг не расслышал слов.

- Ложь! - жестко отрезал Уоррел. - Ты работаешь на коммунистов. Хотел провести нас? С нами эти номера не проходят.

- Уверяю вас, господин Браун... - сказал громче сидевший на табурете человек, и Хоанг вздрогнул, услышав его голос.

"Нет, такого просто не может быть, - подумал он. - Мне показалось..."

- Не надо меня ни в чем уверять! Твоя игра окончена.

- Я прошу выслушать меня, - оправдывающимся тоном произнес человек, сидевший на табурете.

- К черту объяснения! - прошипел Уоррел. - С какой целью ты убил Фам Тху, вместо того чтобы установить личность Рекса? Ведь она была его связной, и ты это прекрасно знал!

- Я... я не убивал, господин Браун...

- Врешь! На месте убийства нашли зажигалку Уайта, которую он дал тебе. Ну! Ты и теперь будешь отрицать, что работаешь на вьетконговцев?!

"Кто же? Кто?" - нетерпение Хоанга росло с каждой секундой.

В этот момент, когда Уоррел проходил мимо него, провокатор развернулся. Хоанг почувствовал такую боль в висках, словно по ним били молотком: перед ним сидел его родной брат. Шон! Хоангу показалось, что у него галлюцинация. Невозможно! Шон, с которым они вместе начинали подпольную деятельность! Шон, убитый жандармами и выбравшийся почти из могилы с четырьмя пулями в теле! Шон - сын и брат революционеров - стал предателем! Немыслимо! Невероятно! Какая-то чудовищная ошибка!

- Я сейчас все объясню, господин Браун, - быстро и жалобно заговорил Шон.
- Я вам все объясню. Это я убил Фам Тху и не сказал вам, потому что боялся...

- Чего?

- Боялся, что вы подумаете... ну... как вы сейчас сказали... что я работаю на них.

- Так почему же ты её убил?

- Понимаете, она узнала меня. Узнала. И если... если бы я не убил ее... все, конец... я не смог бы больше оставаться среди них...

- Так ты был знаком с ней раньше? - прищурился Уоррел.

- Да. Если позволите, я вам все расскажу. Все до мелочей.

- Рассказывай, - усмехнулся Уоррел. - И желательно с подробностями. С убедительными подробностями. От этого будет зависеть твоя жизнь.

- Я понимаю, понимаю, - лепетал Шон. - Сейчас я все расскажу. Это началось давно, очень давно. Двадцать лет назад. Даже больше. Я тогда работал в одной подпольной группе вместе с Фам Тху - её настоящее имя Лан - и её женихом Хоангом, моим братом.

- Хоанг - твой брат? Почему же ты не сказал мне об этом раньше?

- По той же причине. Боялся. Боялся, что вы перестанете мне доверять, если узнаете, что мой брат - вьетконговец. Ну, вот. Я тогда сотрудничал с ва... с вашими коллегами. Об этом - не знаю, каким образом, - пронюхала Лан. Однажды она застала меня врасплох, безоружного, и всадила в меня четыре пули. Я чудом остался жив. А позже до меня дошли слухи, что она погибла. И я успокоился, потому что никто больше не знал о моих связях с вами. И...

- Стоп, стоп, - перебил Шона Уоррел, - не очень убедительно. Что же, она никому не рассказывала об этом, даже твоему брату? И ты спокойно встречаешься с ним, не опасаясь мести с его стороны?

- Дело в том, что Лан всегда была... ну, чересчур эмоциональной, что ли. Перед тем как выстрелить в меня, она произнесла целую речь. Она всегда любила болтать языком. Несла какую-то чепуху про совесть, про патриотизм. Я уже толком и не помню. И заявила, что никогда не осмелится сказать Хоангу, что его брат... ну...

- Предатель, - подсказал Уоррел.

- В общем, она сказала, что не причинит ему горя таким известием, потому что слишком любит его. Сказала, пусть лучше Хоанг считает меня погибшим... Короче говоря, когда я очухался после того случая, я понял, что она действительно никому ничего не сказала. Я случайно встретился с одним из нашей группы - он ничего не знал. А когда я недавно встретился с Хоангом, я подстраховался на всякий случай. Я его сразу узнал на рынке. А потом, когда мы пришли ко мне, я сделал вид, что не узнал его, вернее, что спутал с каким-то провокатором, выхватил пистолет. А он стал говорить, что рад встрече, что не ожидал увидеть меня живым, потому что Лан в каком-то письме писала ему, что меня убили полицейские на её глазах. Ну, тогда я понял, что все в порядке. А если бы я понял, что ему все известно и что он играет, я застрелил бы его. Если бы он все знал, он не смог бы сыграть. Он действительно не ожидал увидеть меня живым. Я ненавидел его всю жизнь, потому что он во всем был впереди меня. И в детстве и потом... Даже успел впереди меня понравиться Лан...

Шон говорил быстро, на одном дыхании, видимо боясь, что Уоррел не дослушает его.

"Подлец! Какой подлец!" - с горечью думал Хоанг, все ещё не веря тому, что услышал.

- А кто убил Уайта? - спросил Уоррел.

- Динь.

Уоррел непонимающе наморщил лоб.

- Ну, один из нашей группы. Он получал информацию от Лан... от Фам Тху. Я долго не мог выяснить, куда он ходит. Осторожный он был. А потом узнал - в особняк Фам Тху. Ну я и вызвал Уайта на встречу. Но где-то, наверное, ошибся.

День пошел следом, а я не заметил. И когда мы с Уайтом встретились, он выстрелил сзади. Целился в меня... Уайт упал, а он бросился бежать. Ну, я выстрелил вслед и попал... А вам не сказал, что встречался с Уайтом, потому что, опять же, боялся.

- Неплохо придумано, - помолчав, обронил Уоррел.

- Клянусь вам, я ничего не придумал, господин Браун! - испуганно возразил Шон. - И я могу доказать, что я с вами, а не с ними.

- Интересно, как же?

- Завтра Рекс в двенадцать дня будет в кафе "Виньлой". Хоанг ходил туда в прошлый четверг, но там его вроде бы кто-то узнал. Он не смог переговорить с Рексом и велел отправиться в "Виньлой" мне.

- Вот как? Что ж, неплохо. Иди на встречу. Завтра в кафе будет наш человек.

Хоанг был настолько ошеломлен, что находился в состоянии какого-то оцепенения. Он был потрясен лицемерием, коварством Шона, а ещё больше тем, что брат оказался провокатором и убийцей его жены. И только сейчас Хоанг осознал, что случилось непоправимое. Уоррел узнал о завтрашней встрече! Как же Хоанг мог допустить такое? Почему не выстрелил в Шона несколькими минутами раньше? Как смел дать волю чувствам, забыв о главном? Мысль лихорадочно работала в поисках выхода. Что делать? Незаметно уйти, отправиться к Виену? А если не он автор записки? Нет! За одну ночь не убедить сына, что он должен помочь вьетконговцам. Даже с помощью Лан. Пусть Виен и не побежит доносить на отца, но и помогать он не станет. Слишком крутой поворот должен произойти в его взглядах, в сознании... Выход один - застрелить Шона и Уоррела. Пусть не удастся выбраться отсюда живым - Уоррела наверняка страхуют его люди, - но убрать этих двоих нужно во что бы то ни стало. Хоанг нащупал рукоятку пистолета под пиджаком. Потом повернулся к Лан:

- Уходи.

- А вы? - прошептала девушка.

- Никто больше не должен узнать о завтрашней встрече, - ответил Хоанг, вынимая пистолет.

- Я остаюсь с вами, - в шепоте Лан звучала твердость.

Она вытащила из сумочки небольшую книжку и раскрыла ее: в вырезанных страницах лежал дамский браунинг.

- Спасибо тебе, дочка, - Хоанг положил ей руку на плечо. - Но один из нас должен завтра появиться в "Виньлое". Связь с Рексом - у нас его зовут Смелый - нельзя терять. Если со мной что-то случится - пойдешь ты. Смелый будет сидеть за столиком, держать в руках пятипиастровую монету. Найди возможность заговорить с ним. Скажешь ему, что медальон из розового нефрита тебе не успели переправить. Потом все ему объяснишь. Пусть он назовет новое место встречи. В "Виньлое" встречаться опасно. И завтра же разыщешь в Национальном музее служителя по имени Дак. Дядюшка Дак. Расскажешь ему обо всем.

Хоанг сказал девушке пароль и отзыв для связи в Национальном музее и легонько подтолкнул её к двери:

- Иди.

Хоанг ещё раз посмотрел в щель. Уоррел что-то говорил Шону, но Хоанг не стал прислушиваться. Он тихо подкрался к заколоченной ржавыми гвоздями двери, потому что сквозь узкую щель стрелять было нельзя. Подождал несколько секунд, затем взялся за ручку и с силой рванул дверь на себя. С другой стороны её прикрывала бамбуковая циновка. Хоанг сдернул её рукой и оказался лицом к лицу с Уоррелом, Шоном и ещё каким-то мужчиной, вошедшим в помещение. От неожиданности те замерли.

Но Уоррел моментально пришел в себя.

- Ах, это вы, господин торговец! - злорадно произнес он, выхватывая пистолет.

Его слова потонули в грохоте выстрелов. Хоанг выпустил две пули прямо в грудь Шону, затем выстрелил в Уоррела и в его человека. Но пока Хоанг стрелял в брата, американец успел прыгнуть в сторону и сделать ответный выстрел. Хоанг почувствовал острую боль в правом предплечье. Он перехватил пистолет левой рукой и отпрянул назад, в чулан. Рядом просвистели ещё две пули: Уоррел стрелял из-за шкафа, стоявшего в углу комнаты. Хоанг дважды разрядил свой пистолет в то место, где находился Уоррел. Но пули, видимо, не достигли цели.

- Брать живым, - сказал кому-то Уоррел.

Хоанг захлопнул дверь. В комнате послышался топот. Видимо, туда вбежали ещё несколько человек. Но никто больше не стрелял и к двери не приближался:

боялись выстрелов из чулана.

Хоанг посмотрел на свой восьмизарядный "кобра-33". В нем оставался один патрон. Увидев длинную железную трубу на полу, Хоанг схватил её, один конец упер в дверь, другой - в противоположный угол. Затем кубарем скатился с лестницы вниз и проскользнул через дыру в заборе во дворик Фьюка. Там с браунингом в руках стояла Лан. Она молча показала ему на небольшую калитку в каменной стене. Они пробежали через неё и оказались на соседней улице, рядом с машиной, которую для них оставил Нгок.

- Мы поедem ко мне, - сказала Лан, садясь за руль. - Мамы нет дома.

- Хорошо, - отозвался Хоанг.

Дома Лан промыла рану и перевязала Хоангу руку. И только после этого спросила:

- Удалось?

Хоанг покачал головой:

- Уоррел... Я не попал в него. И он меня видел.

- Что же теперь делать?

- Не знаю. Выход один - поговорить с Виеном. Я все время думал об этом в машине.

- Боюсь, что ничего не выйдет, - Лан грустно улыбнулась. - Может, когда-нибудь Виен поймет... Но для этого нужно время. Одними словами его не переубедить. Здесь нужно что-то... что-то особенное... К тому же и Уоррел видел вас. Он наверняка сообразит, что Виен - ваш единственный шанс. И не спустит с него глаз до тех пор, пока Смелый не появится в "Виньлое".

- Да, да, ты права, дочка, - рассеянно отозвался Хоанг, задумавшись вдруг о чем-то. - Слов для Виена будет мало. И насчет Уоррела ты права. Он догадается... И об этом я думал в машине.

Хоанг резко поднялся с кресла:

- Поехали.

- Куда?

- К Виену.

- Но...

- Поехали, - твердо сказал Хоанг. - Я нашел выход. Нам только нужно опередить Уоррела.

Где-то в глубине души Хоанг все-таки надеялся, что записку написал Виен. Но на всякий случай он продумал ещё и запасной вариант.

Через пятнадцать минут они уже находились перед домом, в котором жил Виен.

- Вы уверены, что сможете найти с ним общий язык? - спросила Лан, когда они поднимались по лестнице.

- Мы сделаем это вместе.

- Он не послушает нас.

- Мне уже нечего терять. Иначе Смелого завтра возьмут в "Виньлое".

Хоанг нажал кнопку звонка.

- Отец? - удивленно спросил Виен, открыв дверь. - Лан?

Он отступил в сторону, пропуская поздних гостей. Все трое прошли в комнату. Виен повернулся к отцу. В его глазах сверкнул недобрый огонек, черты лица стали жесткими. В упор глядя на Хоанга, он спросил:

- Что вам нужно в моем доме?

- Виен, как ты разговариваешь с отцом? - возмутилась Лан.

- Подожди, Лан, - чуть мягче произнес Виен. - Я хочу выяснить, что этому человеку нужно от меня. Ты, видимо, не знаешь, что он вьетконговец и что он убил мою мать.

"Кажется, успел, - облегченно подумал Хоанг. - Уоррел ещё не звонил".

Он все моментально понял. Не Виен написал ему о встрече Шона с Уоррелом. Письмо подготовили в охранке. А из Виена хотели сделать подсадную утку. Но у них ничего не вышло: Виен не научился лицемерить.

- Ложь! - коротко бросил Хоанг сыну.

- Ложь? - переспросил Виен, прищурившись. - Вы будете отрицать, что вы - вьетконговец? Не надейтесь, я не поверю.

- Нет, этого я отрицать не буду. Но я буду отрицать, что убил Лан.

- Кого? - непонимающе наморщил лоб Виен.

- Настоящее имя твоей матери - Лан, а Фам Тху - псевдоним. В партию мы с ней вступали вместе двадцать лет назад. Так называемым агентом майора Туана она стала по заданию подполья. А убил её мой брат. Он состоял в нашей группе и

оказался провокатором. Я только что застрелил его.

Увидев, что Виен пришел в замешательство, Хоанг решил перейти в атаку.

- Я отвечу на вопрос, что мне нужно в твоём доме, - сказал он. - Но сначала я хочу задать вопрос тебе. Майор Туан дал тебе указание убедить меня в том, что ты сочувствуешь вьетконговцам?

- Какое это имеет значение? - хмуро спросил Виен.

- Да или нет?

- Предположим, - неохотно отозвался Виен.

- Почему же ты не выполнил его приказ?

- Это неважно.

- Неважно так неважно, - согласился Хоанг. - А теперь я скажу, зачем мы с Лан здесь.

Виен медленно повернул голову к Лан:

- И ты... тоже с ним?

- Да, Виен. Я - с коммунистами.

- Значит, он уже успел тебя обработать? - покривился Виен.

- Уже три года я состою в подпольной студенческой группе.

- Та-ак. И что же вы от меня хотите? Судя по этому, - Виен кивком головы указал на перевязанную руку Хоанга, - вы участвовали в какой-то перестрелке. И теперь хотите, чтобы я спрятал вас у себя или помог добраться до какого-нибудь безопасного места: ведь на улице комендантский час. Я угадал?

- Нет, - ответил Хоанг. - Тебе звонил сейчас Уоррел?

- А при чем здесь Уоррел?

- Это он ранил меня.

- Вот оно что! - Виен снова повернулся к Лан: - Значит, ты участвовала в покушении на собственного отца? Кто же после этого убедит меня, что у коммунистов есть что-либо святое?

- Есть, Виен, - сказала Лан. - Родина - вот самое святое, что есть у каждого человека. Во имя родины я стреляла в своего отца. Он - враг моей родины.

Виен саркастически засмеялся:

- Родина, патриотизм... Слова. Пустой звук. Все одинаковы - и вы, и те, против кого вы воюете. Каждый умеет порассуждать о родине, о высоких идеалах. Но когда речь заходит о жизни, каждый выбирает жизнь. И желательно с тугим кошельком.

- Неправда! - воскликнула Лан.

- Неправда? - Виен удивленно поднял брови. - Ну почему же? Вот вы, например. Зачем вы пришли ко мне? Вы боитесь за свою жизнь после неудавшегося покушения. Вы пришли, чтобы я помог вам выжить. Что ж, я сделаю это. Для человека, которого я считал своим отцом... и для девушки, к которой я - чего скрывать? - равнодушен. В отличие от тебя, Лан, я чту родственные отношения. Я спрячу вас у себя и ничего не скажу Уоррелу. Но завтра мы расстанемся. Навсегда.

- Нам не нужна твоя помощь, Виен, - горячо заговорила Лан, - твоя помощь нужна другому человеку. Его жизнь - в твоих руках.

- Вы хотите, чтобы я ещё помог вашим сообщникам? - Виен покачал головой. - Нет, этого я не стану делать. Достаточно того, что я сделаю для вас, хотя это противоречит моим убеждениям и хотя вы - мои враги. Точнее, были ими. Сейчас вы подняли руки, и не в моих правилах добывать людей, молящих о пощаде. Сдавшийся враг вызывает только жалость - не больше.

Хоанг жадно ловил каждое слово сына, не вмешиваясь пока в разговор. Времени оставалось в обрез, и он хотел за эти считанные минуты хоть как-то убедиться, что не напрасно пришел сюда.

- Пойми, Виен... - начала Лан.

- Подожди, дочка, - остановил её Хоанг и повернулся к сыну: - Мы пришли к тебе не для того, чтобы искать здесь убежища. Лан не нуждается в этом, потому что Уоррел видел только меня. А я...

В прихожей раздался телефонный звонок.

- Не надо подходить к телефону, - сказал Хоанг.

- Не волнуйтесь, - усмехнулся Виен. - Если это Уоррел, я ничего ему не скажу.

- Уоррел позвонит ещё раз. И тогда ты ответишь ему, что я у тебя.

В глазах Виена мелькнуло удивление. Лан недоуменно посмотрела на Хоанга.

- Хватит шутить! - резко произнес Виен. - Я же сказал, что вы можете не волноваться за свою жизнь.

- Мне не до шуток, Виен. Уоррел обязательно позвонит ещё раз. И ты ему скажешь, что я нахожусь у тебя.

Хоанг уже все обдумал и теперь говорит спокойно, неторопливо, не пытаясь угадать, какие мысли появляются в голове Виена.

- Тогда я не понимаю, зачем вы пришли ко мне? - сказал тот.

- Сейчас поймешь. У подполья оборвалась связь с нашим человеком, который работает там же, где и ты...

- Не хотите ли вы предложить мне восстановить эту связь? - на губах Виена вновь заиграла саркастическая усмешка.

- Давай договоримся, что ты не станешь перебивать меня, - твердо и властно произнес Хоанг. - Я скажу все, что хотел сказать, а потом наступит твоя очередь. Итак, вернемся к оборванной связи. Я восстановил её. Очередная встреча намечена на завтра в кафе "Виньлой" в двенадцать часов. Вместо меня туда должен был пойти мой брат, потому что мне в "Виньлое" появляться нельзя. Час назад я узнал, что мой брат - агент Уоррела. И Уоррелу стало известно о завтрашней встрече. Я хотел застрелить обоих, но это мне не удалось. Тогда я вспомнил о тебе. Ты единственный, кто может предупредить нашего человека о грозящей ему опасности.

Виен хотел что-то возразить, но Хоанг поднял руку:

- Я ещё не кончил. Подумав о тебе, я сообразил, что мне будет трудно это сделать. Я понял, что нелегко будет заставить тебя пересмотреть свои взгляды за один вечер. И ещё мешает проницательность Уоррела. Он видел меня и наверняка догадался, что я могу рассчитывать только на тебя. И даже если ты согласишься помочь мне, Уоррел не выпустит тебя из поля зрения до тех пор, пока наш человек, которого он ищет, не окажется в его руках.

Хоанг помолчал немного и продолжил:

- Но я решил обмануть Уоррела. Ты выдашь меня, и это собьет его с толку. Он не станет наблюдать за тобой. Вот зачем мы пришли к тебе, сын. Человек, которого ты должен предупредить, - небольшого роста, с одутловатым лицом и коротко подстриженными волосами. На вид ему лет сорок. Он ходит с погонями капитана.

- Нго Чак? - изумленно воскликнул Виен. - Заместитель начальника отдела безопасности? И он - тоже?

- Я не знаю его имени, - ответил Хоанг. - Но очень хочу надеяться, что ты угадал. Теперь звони Уоррелу. А лучше - к себе на службу.

- Ты... уверен, что я пойду на это?

Виен снова обратился к отцу на "ты", и Хоанг понял, что выиграл. Выиграл не просто схватку с Уоррелом за жизнь Смелого. Он схлестнулся с ним в поединке за своего сына. И вышел победителем. В глазах Виена Хоанг прочел, что творилось в душе юноши. Виену ещё нужно будет сделать не одно усилие, чтобы решиться на такой шаг. Но Хоанг уже не сомневался в успехе. "Одними словами его не переубедить, - вспомнились слова Лан, - здесь нужно что-то особенное..."

- Уверен, - ответил Хоанг. - И это не просьба о помощи - Лан неточно выразилась. Я даю тебе возможность стать настоящим вьетнамцем. Такой возможности может больше не представиться, сын.

- Скажи, отец... - Виен запнулся, подбирая нужные слова, - скажи, ради чего ты хочешь принести себя в жертву? Ради постороннего человека?

- Если его арестуют, мы не сможем получать информацию из "Феникса", а значит, не сможем предотвратить гибель сотен наших товарищей. Для меня их жизнь дороже моей.

- И ты... согласен добровольно отдать себя в руки службы безопасности? Ты не знаешь майора Туана. Он делает с людьми такое, что они умоляют его убить их, потому что не в силах вынести пытки. Никто из тех, кого ты спасешь, не будет знать, кому они обязаны жизнью. Никто не вспомнит о тебе! Они будут жить, а ты?! Тебя не будет! Какая же тебе разница, что произойдет после твоей смерти? Ты не узнаешь этого!

- Я уже знаю, - улыбнувшись, ответил Хоанг. - Южный Вьетнам станет свободным. От американцев, от их прихвостней, от колючей проволоки, от горя, от слез, от всей мерзости, которую принесла эта проклятая война. Есть вещи, сын, которые ценятся выше жизни. Когда-нибудь ты поймешь. Ты обязательно поймешь. Хо Ши Мин сказал: "Нет ничего дороже независимости, свободы". Это не лозунг. Это величайшая правда. За эту правду отдано много жизней. И среди них - жизнь твоей матери.

Виен как-то беспомощно посмотрел на отца, потом на Лан.

- Если нам не суждено будет больше увидеться, - добавил Хоанг, - я хочу сказать тебе... береги Лан. Она любит тебя. И верит в тебя.
- Это правда, Лан? - не поворачивая головы, спросил Виен.
- Да, - ответила девушка сдавленным голосом сквозь подкатывающийся к горлу комок.

В комнате воцарилась тишина.

- Ну иди же звони, пока сюда не приехал Уоррел, - нарушил наконец молчание Хоанг. - Впереди у тебя целая ночь. Ты сможешь все хорошенько обдумать и принять то решение, которое тебе подскажет совесть.

Виен сделал несколько шагов к двери словно замороженный и остановился.

- Я не могу, - глухо произнес он.

- Может быть, есть другой выход? - нерешительно спросила Лан и повернулась к Виену: - Ты знаешь, где живет Нго Чак?

Тот отрицательно покачал головой.

- Нет, - вздохнул Хоанг, - другого выхода нет. Иди, Виен. И помни: Уоррел - тонкий психолог. Ты отказался участвовать в игре майора Туана, потому что не способен на ложь. Это хорошо. Но ты обязан сыграть свою роль безукоризненно.

Виен вышел в прихожую и через несколько минут вернулся с опущенной головой.

- Все в порядке? - поинтересовался Хоанг таким тоном, словно речь шла о том, чтобы заказать по телефону обед в ресторане.

- Да, - выдавил из себя Виен, не глядя на отца. - Они скоро приедут.

- Ну вот и хорошо, - улыбнулся Хоанг.

Он вытащил из кармана свою "кобру-33" и протянул сыну:

- Возьми. Скажешь, что обезоружил меня.

Потом повернулся к Лан:

- А ты уходи, дочка. Оставь свой браунинг Виену и отправляйся домой. А завтра сходи в Национальный музей. Ты запомнила все, что я говорил?

- Да.

- Виен, Нго Чаку скажешь новое место встреч: Зядинь, вход на могилу Чан Хынг Дао, каждый понедельник, в шесть вечера. Ну вот, пожалуй, и все.

Лан не смогла больше сдержать слез. Она бросилась на грудь Хоангу и зарыдала.

- Ну-ну, дочка, не надо, - смущенно пробормотал Хоанг, глядя девушку по голове. - Не надо плакать. Как же так? Подпольщица и вдруг - слезы? Ты же знаешь: в нашем деле всякое случается. Иди.

Хоанг поцеловал Лан в лоб и легонько подтолкнул к двери. Она хотела что-то сказать, но не смогла. Махнула рукой и выбежала из комнаты.

Уоррел без стука вошел в кабинет Туана, и майор поспешно поднялся ему навстречу.

- Добрый день, господин Уоррел, - короткие усики майора радостно затопорщились над растянутой в улыбку верхней губой. - Поздравляю вас. Ваш воспитанник показал себя с наилучшей стороны. Чувствуется, что вы крепко привили ему нужные взгляды. Родственные чувства во Вьетнаме очень сильны, и отдать отца в руки полиции - для этого нужно получить хорошую закалку.

- Да, майор, - согласился Уоррел, - лейтенант заслуживает поощрения. Молодец парень. В общем-то, я и не сомневался в нем. А я пришел к вам не только для того, чтобы увидеться с его папашей. Через полтора часа мы будем знать, кто передавал информацию вьетконговцам отсюда.

- Не может быть! - с радостным видом всплеснул руками Туан, стараясь скрыть свою досаду. - Вам удалось напасть на его след?

- Да, - небрежным тоном произнес Уоррел. - Правда, я потерял своего агента. Его пристрелил отец Виена. Здесь разыгралась целая семейная драма с вендеттой и тому подобное. Не хуже, чем в Сицилии.

- Теперь понятно, почему Хоанг пришел к сыну. Хотел его завербовать, сделать его своим сообщником.

- За успехи часто приходится расплачиваться агентами, - вздохнул Уоррел. - Вы ведь тоже недавно потеряли своего человека, если мне не изменяет память? Мать Виена...

- Да, да, - закивал Туан.

- А что же вы не поинтересуетесь, почему я спрашивал про зажигалку, которую вы нашли в особняке Фам Тху?

- Ах, да! - продолжал играть майор. - Если не секрет...

- Фам Тху, как вы поняли, жена Хоанга, а мой убитый агент - его брат. Фам Тху работала на коммунистов. Мой агент убил её, а Хоанг - его. У них были свои счета.

- Господин полковник, - Туан понизил голос, - надеюсь, это останется между нами? Я имею в виду Фам Тху и... Рекса. Я уберу его без шума. Вы понимаете, чем мне это грозит, если узнает начальство?

- Вас сочтут вьетконговцем, майор, - засмеялся Уоррел. - Но я не желаю вам зла. Мой вам совет: занимаясь подпольной торговлей наркотиками, находите все-таки время для выполнения ваших прямых обязанностей.

Туан обмяк, даже изменился в лице. Он выглядел жалким и раздавленным.

- Кстати о наркотиках, майор, - небрежно добавил Уоррел. - За такие вещи, по-моему, полагается суровое наказание? Ну-ну, не пугайтесь. Я не собираюсь доносить на вас. Тем более что торговля героином и опиумом - хобби многих в этой стране, включая президента. Почему бы вам частично не освободиться от этого мерзкого и опасного товара? Я через пару дней уезжаю в Штаты...

- О, да, господин полковник, - обрадованно закивал Туан, - я вас понял. Когда вам будет угодно...

- Мне будет угодно сегодня вечером. Ладно, забудем о нашем разговоре. Вы уже допрашивали Хоанга?

- Предварительно.

- Ну и как?

- Пока молчит. Но он все мне расскажет. Я сделал небольшую передышку... пока его приведут в сознание.

- Не слишком увлекайтесь, майор. Стоут мне говорил, что вы как-то перестарались и очень интересный человек замолчал навсегда. Кстати, майор, я надеюсь, что Хоанга видели в лицо считанные люди?

- О его аресте не знает даже мой заместитель, господин полковник. Я, разумеется, не предполагал, что Хоанг имеет прямое отношение к Рексу... Но интуиция... Я брал его со своими двумя помощниками. Они - вне подозрений.

- Вне подозрений, говорите? - усмехнулся Уоррел. - Ну-ну. Я зайду к Виену - он должен услышать мои комплименты в свой адрес. А потом приду на допрос. Позаботьтесь о том, чтобы больше ни один человек в этом здании до двенадцати часов не знал об аресте Хоанга.

- Я все понял, господин полковник, - заискивающе ответил Туан. - Вы можете быть спокойны.

Виен нервно ходил из угла в угол своего кабинета. Голова разламывалась от мыслей, от выкуренных двух пачек сигарет и бессонной ночи. Поступок отца потряс его до глубины души, заставил встряхнуться, взглянуть на многое по-другому. Неужели вся его прошлая жизнь была сплошным заблуждением? Неужели все, во что он искренне верил, - ложь? Уоррел рисовал перед ним такие стройные схемы будущего свободного и демократического общества в Южном Вьетнаме, так убедительно говорил о необходимости бороться с коммунистами. У Виена не возникало никаких сомнений. Все было четко и логично.

И вот за какие-то полчаса отец, не говоря лишних слов, вывернул все привычные понятия в сознании Виена наизнанку.

Представление о коммунистах у Виена было другим. На протяжении многих лет ему внушали, что коммунисты - это злобные фанатики с низким уровнем мышления, отрицающие науку, культуру, проповедующие только насилие.

И вдруг такая неожиданность. Лан - дочь американца и бывшей танцовщицы, всегда так модно одетая, увлекающаяся джазом, импрессионизмом. Хоанг, его отец - прекрасно разбирающийся в живописи, отлично знающий литературу, английский, французский, интеллигентный, начитанный человек. Нго Чак - один из наиболее способных и перспективных офицеров службы безопасности, которому прочат блестящую карьеру. И все они - коммунисты. Здесь было над чем задуматься.

Всю ночь и все утро Виен пытался осмыслить то, что произошло. Шквал сомнений, противоречий бушевал в его голове, переворачивал душу. Одно было ясно: отец, Лан, Нго Чак - это не фанатики, а люди, глубоко убежденные в своей правоте. Фанатики не могут сознательно приносить себе в жертву.

Виен никогда не предполагал, что право выбора - такое мучительное, тягостное испытание. А он стоял перед выбором: идти или не идти к Нго Чаку. Отец сказал, что Виен волен решать сам, как поступить. Прошла ночь, а Виен так и не

осознал все до конца. Но он чувствовал, что должен сделать так, как сказал отец: слишком дорого за это заплачено. Ведь Туан не оставит отца в живых - это Виен прекрасно понимал.

Придя утром на службу, он сразу же отправился в кабинет Нго Чака, но капитан уехал в город по делам. Виену стало страшно. Не оттого, что он не успеет предупредить Нго Чака и что капитана арестуют. Юноша ещё не был морально готов к тому, чтобы оказать помощь коммунистам. Страшно ему стало оттого, что жертва отца окажется напрасной и что Лан будет считать Виена подлецом. Она не поверит в то, что Нго Чака не оказалось на месте. Именно эти мысли не давали ему покоя, и он каждые пятнадцать - двадцать минут стучался в кабинет капитана. Однако дверь была по-прежнему закрыта.

Маленькая стрелка часов приближалась к одиннадцати, и Виен решил зайти к Нго Чаку ещё раз. Он открыл дверь и на пороге столкнулся с Уоррелом.

- Здравствуй, мой мальчик, - в своей обычной манере весело пророкотал тот.

- Добрый день, господин Уоррел, - растерянно произнес Виен, стараясь не встречаться взглядом с полковником.

- Не помешал? Ты, я вижу, куда-то собрался?

- Я? Нет... То есть я... Просто... обычные дела.

- Ты, кажется, чем-то взволнован? Хотя да, я понимаю тебя, мой мальчик. На такой шаг способен не каждый. Ты действовал как настоящий патриот своей страны. А что он хотел от тебя?

- Что хотел? - переспросил Виен, застигнутый врасплох вопросом, он не был подготовлен к нему. - Хотел, чтобы я помог ему спрятаться. - И, чтобы предупредить новые вопросы, добавил: - Мне не хотелось бы больше вспоминать об этом человеке, господин Уоррел.

- Да, да, я понимаю, - ответил тот.

Но Уоррел не был бы Уоррелом, если бы в его голове не возникло смутное, не оформившееся пока подозрение. Хоанг не стал бы приходить к сыну, чтобы искать у него убежища. Если он пошел к Виену, то за другим. А может быть, в последний момент не решился сказать о цели своего визита? Или... Или попытался переиграть Уоррела? "Если бы Виен сказал мне, что отец к нему не приходил, поверил бы я ему? - спросил себя Уоррел и сам себе ответил: - Нет, не поверил бы. Потому что у Хоанга не было другого выхода. Значит... Нет, невозможно. Люди не могут добровольно приносить себя в жертву. Это нонсенс. К тому же Хоанг не мог быть уверен, что его план удастся. Идти на верную смерть, не зная, ради чего..."

Уоррел не мог бы поклясться, что дело обстояло именно так, но, коль скоро сомнения шевельнулись в нем, их необходимо было либо устранить, либо подтвердить.

- Ты знаешь, Виен, - сказал он. - Я ведь через два дня улетаю. Сегодня я пригласил Лан и госпожу Бинь на обед. И приехал за тобой. Не возражаешь?

- В общем-то... конечно. Но у меня тут... навалилась куча бумаг, и...

- Я договорился с майором Туаном. Он отпускает тебя.

- Если говорить честно, то у меня совсем нет настроения, - сделал ещё одну попытку отказать Виен. - И я боюсь испортить вам весь обед.

- Ничего, - настаивал Уоррел. - Это же не вечеринка. К тому же мы теперь не скоро увидимся. Госпожа Бинь очень хотела тебя увидеть. Да и Лан тоже.

Виен понял, что упорствовать нет смысла. Уоррел что-то заподозрил и теперь не оставит его в покое.

- Хорошо, господин Уоррел. Я согласен.

- Ну вот и прекрасно.

- Вы подождите минут пять, а я сдам документы и вернусь за вами.

Виен подошел к столу и начал быстро собирать свои бумаги.

"Кажется, я угадал, - подумал Уоррел, - и, судя по всему, пришел вовремя".

Виен положил документы в папку и направился к двери. Но Уоррел, поднявшись со стула, загородил ему дорогу:

- Пожалуй, пойдем вместе. Зачем тебе возвращаться сюда ещё раз.

- Не ждате же вам в коридоре, - возразил Виен.

Он хотел обойти Уоррела, но тот положил руку на плечо молодому человеку:

- Виен, мне кажется, тебя что-то сильно смущает.

- Да нет же, вам показалось, - неуверенно ответил Виен.

- Меня трудно обмануть, мой мальчик, - перешел в атаку Уоррел. - Я чувствую, что ты хочешь сделать неверный шаг. Ты молод, а молодость порой легко поддается чувству. Я все понимаю, Виен. Он - твой отец. И он умеет располагать к

себе людей. Ты поддался его уговорам. Но это мимолетное заблуждение пройдет. Законы военного времени суровы. Помощь коммунистам карается смертью - ты это прекрасно знаешь. Но я желаю тебе добра. Я уберегу тебя от ошибки, которая может оказаться роковой.

- Я не понимаю... - начал Виен.

- Ты все прекрасно понимаешь, - голос Уоррела стал звучать жестко, - ты знаешь, о чем я говорю. Я не могу не восхититься изобретательностью и мужеством твоего отца. Но я - из другого лагеря. Эмоции никогда не должны подчинять себе рассудок. Тем более в нашем деле. Я люблю тебя, как сына, и потому помогу тебе. Я даже не спрашиваю, кого ты должен предупредить. Ты ведь должен кому-то сказать, чтобы он не появлялся в кафе "Виньлой", не так ли? Через час этот человек будет в наших руках. И через час я забуду о твоей ошибке, потому что верю в тебя, Виен.

Уоррел посмотрел на юношу и окончательно понял, что не ошибся. По лицу Виена было ясно, что он судорожно пытается найти выход из положения, в которое попал.

"Все кончено, - пронеслось в голове Виена. - Я не смогу предупредить Нго Чака. А как же Лан? Ведь она никогда не поверит, не простит... Будет считать меня трусом, подлецом... А отец прав: Уоррел видит людей насквозь. Что же делать? Что?"

- Может, ты уже предупредил этого человека? - продолжал Уоррел. - И сейчас решил удрать? Учти - в таком случае я буду вынужден выполнить свой долг. И, как это будет ни тяжело для меня, я заставлю тебя назвать его имя. В нашей священной борьбе с коммунистами нет места для жалости. Я пойду на все. Если ты будешь молчать, я привезу сюда Лан. Ты не сможешь выдержать этого зрелища. Подумай хорошенько, Виен. Подумай о последствиях своего шага. Я хочу, чтобы ты понял: во имя высоких целей я не остановлюсь ни перед чем. Я принесу в жертву даже собственную дочь, поскольку долг для меня и служение свободе - превыше всего. Не вынуждай меня идти на крайние меры. Не испытывай прочность моих убеждений.

"Боже мой! - подумал Виен. - И этого человека я уважал, восхищался им, считал благородным и добрым. А ведь он не человек. Собственную дочь... Нет, так не бывает, не может быть. Он просто хочет запугать меня. Люди не способны на такое".

Он посмотрел на Уоррела. Глаза полковника излучали стальной, безжизненный холод. И Виен вдруг понял, что Уоррел не играет. Он действительно выполнит свою угрозу. Лан! Мурашки побежали по спине Виена, когда он представил себе... Лан!

Виен уже был близок к тому, чтобы сдаться, уехать с Уоррелом, - в конце концов, он сделал все что мог... Но теперь, после этих слов Уоррела... Решение пришло само собой, помимо сознания Виена, словно к другому человеку. Он как бы наблюдал себя со стороны. Повернувшись к столу, он положил бумаги и, опустив голову, произнес:

- Простите меня, господин Уоррел. Я хотел обмануть вас. Я сам не понимаю, что вчера на меня нашло. Какое-то наваждение. Не знаю, как ему удалось уговорить меня...

- Я знал, мой мальчик, что ты образумишься, - с облегчением произнес Уоррел и расслабился. - Я знал, что твой трезвый рассудок...

Уоррел не успел договорить фразу. Виен резко развернулся и, выбросив вперед ногу, носком ботинка сильно ударил его под коленку. Уоррел взвыл от боли. Его левая нога подогнулась, и он упал на одно колено. Виен схватил со стола тяжелого мраморного льва, державшего в лапах стаканчик для карандашей, и с размаху обрушил его на затылок Уоррела. Тот рухнул на пол.

Сердце Виена бешено колотилось. Дрожащими руками он выдвинул ящик стола, вынул оттуда свой пистолет и положил в карман. Затем, стараясь казаться спокойным, вышел из кабинета и запер его на ключ. Заставляя себя не ускорять шаги, Виен поднялся этажом выше, без стука вошел в кабинет Нго Чака и облегченно вздохнул: капитан вернулся и теперь стоял у окна спиной к дверям и курил. Услышав шаги, он обернулся.

- Лейтенант, вы, кажется, забыли, что, входя в кабинет начальства, принято стучаться, - сухо произнес он. - Вон отсюда и в следующий раз потрудитесь соблюдать правила приличия.

- Господин капитан, - Виен облизнул пересохшие губы. - Не ходите в кафе "Виньлой".

- Что? - брови Нго Чака поднялись. - Что за чушь вы мелете, лейтенант?

- Не ходите в кафе "Виньлой", - упрямо повторил Виен. - В двенадцать часов

там будут люди Уоррела.

- Да что с вами, лейтенант? Вы бредите? Какой "Виньлой"? При чем здесь Уоррел? Вы больны? Тогда сходите к врачу вместо того, чтобы врываться в кабинет начальства и нести всякий вздор!

- Господин капитан, человек, с которым вы должны встретиться сегодня в "Виньлое", - мой отец. Он арестован. А Уоррел, лежит в моем кабинете. Я... Я, кажется, убил его.

Виен выпалил все это на одном дыхании, пытаясь угадать по выражению лица Нго Чака, поверил ли он. Капитан смотрел на Виена оценивающим взглядом, что-то взвешивая в уме.

- Вы не верите мне, - с горечью произнес Виен, глядя прямо в глаза Нго Чаку. - А ведь я вчера был вынужден выдать отца майору Туану, чтобы сегодня иметь возможность предупредить вас. Отец не нашел другого выхода... Не верите...

- Верю, - вдруг сказал Нго Чак. - Верю. Спасибо тебе, Виен. Но что вчера произошло?

- Отец пришел ко мне поздно вечером, раненный...

Виен быстро рассказал Нго Чаку о своем разговоре с Хоангом и Лан. Капитан подошел к нему, положил руку на плечо:

- Я попытаюсь спасти его, Виен. Больше он ничего не передавал?

- Новое место встречи - вход на могилу Чан Хынг Дао в Зядине. Каждый понедельник, в шесть вечера.

Виен назвал Нго Чаку пароль и отзыв для встречи.

- Никто не видел, как ты входил сюда? - спросил тот.

- В коридоре было пусто.

- Тебе нужно немедленно уходить. Есть у кого спрятаться в Сайгоне?

Виен отрицательно покачал головой. Нго Чак задумался на мгновение.

- Тогда отправляйся на улицу Нгуен Хоанг, 38. Там живет адвокат Ле Винь.

Он - мой старый друг. Скажи, что тебя прислал Бао - это мое настоящее имя. В подробности не вдавайся, скажи, что я просил переправить тебя в освобожденные районы. Он поможет встретиться с нужными людьми. И давай адрес или телефон Лан. Ее нужно предупредить. Даже если бы Уоррел остался жив, я не был бы уверен в её безопасности.

Виен нацарапал на клочке бумаги несколько цифр и протянул его Нго Чаку.

- А теперь иди, - сказал капитан. - И ещё раз - спасибо. До встречи после освобождения... товарищ Виен.

Нго Чак крепко сжал юноше руку и, подойдя к двери, приоткрыл её. Он посмотрел в коридор, сделав знак Виену подождать, потом махнул рукой.

Уоррел открыл глаза. Какая-то белесая пелена мешала ему смотреть. Голова разламывалась на части. Он дотронулся рукой до затылка и поднес пальцы к глазам. Белесая пелена стала розоватой. Он потряс головой, пытаясь окончательно прийти в себя. Расплывчатые поначалу предметы стали принимать четкие очертания. И тут Уоррела словно пронзило током. Он вспомнил, что произошло. Этот ублюдок, этот молокосос перехитрил его! Уоррел никак не ожидал нападения и потому ничего не успел предпринять. Как же так? Он, матерый разведчик, обладающий молниеносной реакцией, позволил какому-то мальчишке... Уоррел выругался. Этот щенок предупредил Рекса и удрал! Проклятая страна, в которой никогда не знаешь, что тебя ждет! Проклятые люди, которые все делают вопреки логике! Уоррел считал, что видит Виена насквозь. И дважды ошибся. Первый раз, когда был уверен в своем воспитаннике на сто процентов. И второй - когда поверил в его "раскаяние".

Идиот! Потерпеть такое фиаско во Вьетнаме, который он, Уоррел, считал изученным до тонкостей, до мелочей.

Все пропало! Нет смысла ждать двенадцати часов. Никто не придет в "Виньлой". Полковник машинально взглянул на часы, и в его сознании промелькнул луч надежды. Прошло не больше двадцати минут, как этот... этот... (Уоррел не смог подобрать подходящего слова) ударил его чем-то тяжелым по голове! Он не мог далеко уйти. Немедленно поднять тревогу, поднять на ноги весь город, перетрясти каждый дом, каждое помещение! Уоррел не отдавал себе отчета в том, что это нереально - найти человека в огромном городе. Он сорвался. Сорвался впервые в жизни. Он находился в таком состоянии, когда чувство реальности мутнеет, уходит, уступая место безрассудству.

Найти, взять! Из папаши не вытянешь имени Рекса, но его ублюдок - не такой фанатик, он не выдержит боли. Уоррел сам займется Виеном. И заставит его

говорить! На карту поставлен престиж Уоррела. Лан - вот кто развяжет ему язык. Мальчишка не может удрать из города, не увидев её. А если и убежит, Уоррел заставит его вернуться. Немедленно отправить полицейских в дом этой разжиревшей дуры - Франсуазы Бинь!

В этот момент Уоррел уже не помнил, что в жилах Лан течет его кровь, что она - его дочь. Единственное, что ему было нужно, - имя Рекса. Питать Виена, питать на его глазах Лан, но вырвать имя человека, который должен был в двенадцать часов прийти в "Виньлой"!

Уоррел с трудом поднялся, пошатываясь, подошел к телефону и набрал номер Туана.

- Где Виен? - прохрипел он в трубку, когда майор ответил.

- Господин Уоррел, мы вас везде ищем. Лейтенант сказал, что вы пригласили его на обед...

- Где он? Где!

- Вышел от меня минут десять назад. Сказал, что едет за вашей дочерью, чтобы...

- Взять! Немедленно арестовать! И девочку тоже! Он пытался убить меня! Он предупредил Рекса! Немедленно взять!

Уоррел бросил трубку на стол рядом с телефонным аппаратом. Из трубки доносился голос Туана, который кому-то что-то кричал. Полковник подошел к запертой двери и стал дубасить по ней кулаками в бессильной злобе.

Через несколько минут в коридоре послышался топот и раздался голос Туана:

- Господин Уоррел, вы здесь?

- Откройте дверь, сломайте её, взорвите, но выпустите меня отсюда, черт побери!

Уоррел был близок к истерике.

Послышались сильные удары в дверь, и её наконец вышибли. В проеме показалось растерянное лицо майора.

- Что случилось, господин Уоррел? Как это произошло? Я ничего не могу понять... Почему Виен?..

- Где он?

- Я отправил людей к нему домой. И к вашей дочери тоже. Я правильно понял?

- Проклятая страна! - скрежетал зубами Уоррел.

- Прошу вас, пойдите в мой кабинет. Сейчас придет врач. Надеюсь, вы не сильно пострадали?

Уоррел вытащил из кармана носовой платок и приложил к затылку. Туан взял его под руку и повел по коридору. С другой стороны полковника поддерживал капитан Нго Чак. Двери кабинетов открывались, и оттуда показывались удивленные физиономии ничего не понимающих сотрудников "Феникса".

В кабинете Туана Уоррелу промыли рану, забинтовали голову. Рана оказалась неглубокой, просто сильный удар оглушил полковника. Через полчаса в кабинет Туана вошел его адъютант.

- Ну что? - нетерпеливо спросил Уоррел.

- Лейтенанта не могут найти.

- А девочка?

- Куда-то ушла вместе с матерью. У дома оставлен наряд полиции.

- Проклятье! - снова выругался Уоррел.

- Господин майор, - обратился адъютант к своему шефу, - арестованного уже давно привели. Но вы сегодня, наверное, не будете его допрашивать? Я распоряжусь, чтобы его отправили обратно.

- Хоанг? - спросил Уоррел у Туана.

Тот кивнул.

- Давайте его сюда. Это наш единственный шанс. Он должен заговорить. Вы слышите, майор? Должен!

- Можете не сомневаться, господин Уоррел, - заверил полковника Туан, - я развяжу ему язык.

Два охранника ввели в кабинет Хоанга. Он был в наручниках, в разорванной рубашке, с кровоподтеками на лице. Уоррел поднялся, подошел к Хоангу и с размаху ударил его кулаком в переносицу.

- Ты... ты... - с ненавистью проговорил он. - Чем ты взял его?! Чем?

Хоанг усмехнулся:

- У вас, кажется, сильно испорчено настроение, господин Уоррел?

- Почему он сделал то, что ты захотел?! Почему он сделал это?

- Значит, у самого Виена спросить не удалось?! - глаза Хоанга радостно засветились. - Почему? Виен как-то сказал мне, что вы очень красиво рассуждали о "запретном городе" вьетнамской души. Вы считали, что проникли в него. Увы! "Запретный город" вьетнамской души так и не открыл вам своей тайны, господин Уоррел.